E 14
233

Диалектол
Каринский

Многоуважаемому
Владимиру Ивановичу
Майкову
от признательного
автора.

К. М. Каринскій.

Т.
1348

О ГОВОРАХЪ

ВОСТОЧНОЙ ПОЛОВИНЫ БРОННИЦКАГО УѢЗДА.

БИБЛІОТЕКА
Л.М.И.Л.

Библиотека

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1903.

W3

1952 2

E14 —
233

8.-
311

21055 ИРЯ-Д
К-232
1348
ЕК 233
Ш-18
311
БИБЛИОТЕКА Л.Н.И.Я. 2676
ЯКИ К-2698

Н. М. Каринскій.

О ГОВОРАХЪ

ВОСТОЧНОЙ ПОЛОВИНЫ БРОННИЦКАГО УѢЗДА.

188
Научно-Исслед. Ин-т. Срав. Истории Литератур и Языков Запада и Востока при Л.Г.У.
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 161

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Августъ 1903 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 26265 1966

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VIII (1903 г.), кн. 1 и 2.

О говорахъ восточной половины Бронницкаго уѣзда.

Въ январѣ текущаго 1902 года я совершилъ поѣздку въ Бронницкій уѣздъ, гдѣ въ продолженіе полъ-мѣсяца знакомился съ народными говорами. Селенія, которыя я посѣтилъ, подчеркнуты въ прилагаемой при семъ картѣ [1]). О говорахъ нѣкоторыхъ другихъ селеній интересовавшаго меня района я собралъ свѣдѣнія частію отъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ тѣми мѣстами, частію отъ крестьянъ этихъ селеній, съ которыми мнѣ приходилось нерѣдко встрѣчаться.

Несмотря на цѣлый рядъ діалектологическихъ данныхъ, полученныхъ мною до поѣздки, въ 15 дней я не въ состояніи былъ съ желательною полнотою изучить столь разнообразные и сложные по составу говоры. Однако собранныя мною свѣдѣнія даютъ, повидимому, возможность составить описаніе наиболѣе типичныхъ фонетическихъ и наиболѣе часто встрѣчающихся морфологическихъ особенностей, а равно представить нѣсколько соображеній, касающихся отношенія этихъ говоровъ къ говорамъ сосѣднимъ, взаимнаго вліянія ихъ самихъ другъ на друга и вліянія на нихъ языка образованнаго русскаго общества.

Считаю пріятнѣйшею обязанностью изъявить глубочайшую благодарность Русскому Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ за то сочувствіе, съ которымъ отнеслось оно къ моей

1) Будетъ помѣщено при слѣдующей книжкѣ «Извѣстій».

поѣздкѣ, давъ матеріальныя на нее средства. Вмѣстѣ съ тѣмъ считаю долгомъ принести искреннѣйшую признательность г. Помощнику Директора Раменской Мануфактуры, инженеръ-механику Виктору Викторовичу Зотикову и Натальѣ Васильевнѣ Зотиковой за доставленіе предварительныхъ на мои вопросы діалектологическихъ свѣдѣній и за предоставленіе мнѣ всякаго рода удобствъ при собираніи мною матеріаловъ на мѣстѣ.

ГЛАВА I.

А. Говоры окающіе — цокающіе.

Отъ Минина, Григорова и Кошерова на сѣверо-западѣ до Аринина и Антонова на юго-востокѣ, до Фрязина на сѣверѣ [1]), однимъ словомъ во всемъ Гжельскомъ округѣ — «адна нарѣчія», по наблюденію крестьянъ. Я убѣдился въ этомъ и самъ, побывавъ въ Фенинѣ, Гжели и Григоровѣ, бесѣдуя съ крестьянами изъ Рѣчицъ и Коняшина и собравъ отрывочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ. Нѣкогда къ говорамъ этого района принадлежалъ, вѣроятно, и говоръ деревни Старково, являющійся въ настоящее время переходнымъ отъ окающихъ Гжельскихъ говоровъ къ акающимъ говорамъ Раменскаго округа.

Всѣ деревни Гжельскаго округа могутъ быть названы окающе-цокающими, хотя къ этому оканью примѣшивается иногда аканье, характеръ котораго въ разныхъ деревняхъ и у разныхъ лицъ не одинаковъ и хотя цоканье сохраняется далеко не у всѣхъ крестьянъ.

Во всѣхъ деревняхъ Гжельскаго округа *о* (ударяемое и неударяемое) по качеству звука въ большинствѣ случаевъ къ *у* не приближается [2]); оно очень напоминаетъ наше ударяемое *о*, хотя

1) См. прилагаемую при семъ карту.

2) Случаи, гдѣ вм. о слышится *у* или о^{у}, будутъ разобраны особо.

въ неударяемыхъ слогахъ произносится слабѣе и гораздо кратче. Приводимъ нѣсколько примѣровъ [1]), въ которыхъ неударяемое *о* является въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенія: *хлопота́ла*, *хожа́лово*, *кто́рой* (им. ед.), *на желѣзной доро́ги*, *с робо́той*, *мо́кро*, *сы́ро*, *озорниц'я́т'*, *от Ра́мен'ского*; также: *Ондре́й*, *Ога́фья*, *топе́р'*, *робёнок*, *робо́та* и пр.

Иногда *о* произносится вмѣсто *а*: *сопоги́*, *мостировы́е*, *сомова́р*, *отпровля́ет*, *вота́ла*, *спаси́бо*, *пожа́т'*.

Въ говорѣ молодыхъ это *о* иногда ослабляется и переходитъ въ неударяемыхъ слогахъ въ тотъ звукъ, который слышится у насъ въ соотвѣтствующемъ слогѣ слова или, во всякомъ случаѣ, въ звукъ неполнаго образованія (посредствомъ ъ избражаю очень краткій звукъ, похожій на тотъ, который слышится у насъ въ первомъ слогѣ слова *хорошо*): *съпоги́*, *пъсоблю́*; *далёкъ* (ср. р. им. ед.), *кохда бы́лъ то это?*, *фабри́шньвъ*, *пя́тиръ*, *бля́дный*, *ăпя́т'*, *ăду́шье* и пр. Особенность эта распространена въ разныхъ деревняхъ не одинаково. Въ селѣ Гжель не только можно встрѣтить звуки неполнаго образованія у молодыхъ, но и людей среднихъ лѣтъ. Наоборотъ, въ Фенинѣ и Григоровѣ я встрѣтилъ не мало молодыхъ крестьянъ, въ говорѣ которыхъ слышно было довольно отчетливое *о* въ слогахъ далекихъ отъ ударенія.

Неударяемое *а* послѣ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ обычно не измѣняется: *до́ма*, *дадо́м*, *пята́*, *пятна́ц'ат'*, *наядя́тца*, *сади́ся* и пр. Лишь изрѣдка слышалъ: три́тцы^{e}т'; ката́имсй (звуки неполнаго образованія). У молодыхъ *а* неполнаго образованія и даже *е^{i}(и)* въ этомъ случаѣ гораздо чаще: *дéсе^{i}т'*, *д'вянатцыт'*, *тритцит'*, *пиддися́т*; но всѣ почти случаи записаны передъ мягкой согласной; передъ твердой согласной *я(а)* обыкновенно сохраняется: *пята́*, *пряду́*, *часы́* и пр. Не невозможно на нашъ взглядъ отчасти объяснять этотъ переходъ и иначе, ср. въ томъ

1) Примѣры на звуковыя особенности въ настоящемъ описаніи приводятся изъ рѣчи стариковъ или (иногда) особенно консервативныхъ семей. Примѣры изъ рѣчи крестьянъ среднихъ лѣтъ, молодыхъ и дѣтей записаны были мною лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда говоръ этихъ лицъ чѣмъ-либо ясно отличался отъ говора стариковъ; такіе примѣры всегда выдѣляются въ особыя группы.

же говорѣ у старухъ произношенія: *гове́дина, опе́т'* и пр., о чемъ ниже.

Неударяемое *е*, а изрѣдка, кажется, и *ѣ*, переходитъ передъ твердой согласною и на концѣ словъ (въ послѣднемъ случаѣ преимущественно послѣ шипящихъ) въ *ё(о): ёво́; ниц^{ч}ёво́, шосто́й, ж жоно́ю, по́мёр, тро́ё, то́жо, та́кжо, двёна́тцат', влёсу* (*ё* вм. *ѣ* я слышалъ только въ этихъ словахъ).

Если *е* (ѣ) въ указанномъ звуковомъ сочетаніи въ *ё* не переходитъ, то по качеству звука оно сходно съ нашимъ ударяемымъ *е* передъ твердою согласною: *збера́т', влесу́, вы́мету, бо́ле, пе́йте, дво́е, ц'еловѣ́к, здра́ствуйте*; въ слогахъ далекихъ отъ ударенія и въ слогѣ за удареніемъ изрѣдка вм. *е* слышалъ въ этомъ случаѣ *е* неполнаго образованія, произносимое очень кратко, или даже *и: ни домота́ит, пя́ти^{е}рŏ, ве́ц'иру, зна́ит, ни вида́л*; на концѣ словъ чаще: *по упоко́йники, к мама́шы, побыва́йти, вы́просити, пойдёмти^{е}* и *пойдёмти* (преимущественно въ этихъ двухъ формахъ).

Передъ мягкимъ звукомъ неударяемое *е* иногда сохраняется, но чаще переходитъ въ *и* или *е^{и}*: *недѣлю, сея* и *сия, тее, сеи'я́с* и *сиц'яс, пец'е́л', на́ де^{і}сят', ищо́; дите́й; вирёфка, ц^{ч}я́се^{і}ц'ки, потипли́е* и мн. др.

Въ очень рѣдкихъ случаяхъ *е* передъ твердой согласной переходитъ въ *я*: *д'вяна́тцит', цяво́, ницяво́, сяла́, е́стя, цёты́ря*. Въ Фенинѣ я вовсе не отмѣтилъ этой особенности; наоборотъ, въ Гжели и Григоровѣ собрано порядочное число случаевъ такого перехода. Особенность эту чаще приходилось слышать отъ молодыхъ и дѣтей, чѣмъ отъ старыхъ. Учительница Гжельской школы любезно сообщила мнѣ, что у дѣтей этой школы уже давно (она преподаетъ въ школѣ болѣе 15 лѣтъ) замѣчается произношеніе: *сяло, ляни́вый, нясу*.

Въ говорѣ молодыхъ и бывалыхъ крестьянъ въ разныхъ деревняхъ, но преимущественно въ селѣ Гжель наблюдаются нѣкоторыя особенности въ произношеніи неударяемаго *е*: 1) даже въ слогѣ передъ удареніемъ иногда вм. *е* слышится *и^{е}* передъ

твердою согласною: *ви^{e}ду́, ни^{e}су́* и пр. 2) весьма обычна, особенно у лицъ бывалыхъ, замѣна *е*, въ слогѣ передъ удареніемъ, послѣ звука шипящаго, гласнымъ *а: Рожаство́, ничаво́, часто́й* и пр. и 3) частая замѣна въ слогахъ далекихъ отъ ударенія *е* черезъ *и* или *ъ: чьтырёх, зна́ить* (2 л. мн.), *пири^{e}йду́* и пр.

Во всѣхъ названныхъ деревняхъ Гжельскаго округа *о* иногда переходитъ въ *у*. Это явленіе, повидимому, встрѣчается довольно послѣдовательно лишь въ двухъ условіяхъ: 1) въ началѣ слова въ третьемъ отъ ударенія слогѣ: *удда́на́я, уддаты́х, утили́лас'*, *утпили́ли, утобра́л, удія́ло, удива́т', упозда́ю, удино́кый, удново́* и 2) въ конечномъ слогѣ, въ творит. ед. ж. р. сущ. и прил.: ми́лостин'куй, па́лкуй, О́л'гуй, сталове́ркую, э́туй, куде́люй, торго́влюй, пря́жую и др. Въ тѣхъ же случаяхъ отъ нѣкоторыхъ лицъ изрѣдка приходилось слышать и отчетливое *о*, или иногда *у^{o}*: *оддала́, отпровля́ет, одново́, э́той, с полти́ною, о^{y}суди́ли, о^{y}тобра́л.* Иногда также я слышалъ *у* вм. *а* въ словахъ: *сумова́р, супоги́* [1]), но непослѣдовательно, и повидимому, не рѣже можно встрѣтить и произношенія: *сомова́рг, сопоги́.*

У вм. *о* часто приходилось наблюдать также въ говорѣ лицъ среднихъ лѣтъ и молодыхъ.

Неударяемое какъ и ударяемое *а* между мягкими согласными въ говорѣ многихъ старухъ переходитъ въ *е: робе́тишками, пецэ́л', говэ́дина, нацэ́л'ник, пе́теро, прели́* (= пря́ли), *ме́сец', де́сет'* и др. Особенность эту въ неударяемыхъ слогахъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, слѣдуетъ отнести къ изложенному выше измѣненію у нѣкоторыхъ лицъ неударяемыхъ гласныхъ (аканье).

Вмѣсто *ѣ* и *е* ударяемыхъ мы находимъ *и*, кажется, исключительно передъ мягкими согласными. У большинства лицъ это явленіе спорадическое; о двухъ отмѣчено: «вообще всякое ударяемое *ѣ* и *е* передъ мягкой согласной произноситъ или какъ *и*, или какъ *е^{i}*» [2]). Особенность эту мнѣ приходилось наблюдать почти

1) Вѣроятно—нефонетическое.

2) Знакомъ е^{i} отмѣчается звукъ болѣе узкій, чѣмъ наше *е* въ словѣ *мелъ.*

исключительно у старыхъ: *ди́ᵉвер'*, *вми́ᵉсти*, *ме́ⁱсиц'*, *де́ⁱф'ки*, *Гжеⁱл'*, *веⁱс'*, *еⁱст'*; *отдил'но*, *здис'*, *пови́сит'*, *риц'*, *съйи́з'дим*, *потипли́е*, *семи́йнъй*, *ди́сеⁱт'*, *Новоси́л'ска* (= Новосельская), *воскреси́нье* и др.

Стяженіе гласныхъ очень широко распространено; оно встрѣчается у молодыхъ и старыхъ почти одинаково, въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ: 1) въ глаголахъ: *бат*, *ду́мат*, *спра́шыват*, *стря́пам*, *запу́тасси*, *робо́тут*, *роспи́сывут* [1]), хотя иногда слышалъ *и*: *вы́ц'итают*, *дѣ́лают*; 2) въ мѣстоименіяхъ: свому́, мому́; 3) въ окончаніяхъ прилагательныхъ: *харо́шы дома*, *здѣшня прислуга*, *вот каки́ дѣти-ти*; *в Рамен'ско*; *эта ста́ра пѣсня*, *но́ву знаю* [2]); 4) при присоединеніи префикса, оканчивающагося гласною къ основѣ начинающейся гласною: *пиж'ж'я́йти* (=поѣзжайте), *прибрѣла́*, *Пребраже́нье*; 5) при соединеніи въ предложеніи двухъ словъ, изъ которыхъ первое оканчивается, а слѣдующее за нимъ начинается гласною: *кто́во* (кто его), *коСпенью* (къ Успенью), *зохотой*, *зодин рас*; иногда здѣсь слышится какъ бы дифтонгъ *за͡окошкомъ*; 6) въ словѣ *пра̄* (= право), послѣ выпаденія *в*; въ этомъ словѣ почти у всѣхъ крестьянъ, съ которыми я говорилъ *а* протягивается, иногда довольно значительно.

Въ серединѣ словъ опущеніе гласныхъ наблюдалось рѣдко: *ко́лкол*, *виртёно́*, *за́мжем*.

Пропускъ начальныхъ гласныхъ постоянно наблюдалъ въ словахъ: *Лексѣй* и *Лександр*; вставку — въ словахъ: *пашани́ца*, *то́лыстъй*.

Отмѣтимъ вѣроятно нефонетическое *еⁱ*(и) вм. *о* и *а* въ словахъ: *пеⁱринёк* и *пирошо́к*.

Цоканье замѣчается во всѣхъ описываемыхъ деревняхъ, хотя далеко не у всѣхъ крестьянъ. Такъ въ селѣ Гжель я отмѣтилъ цоканье почти исключительно у старухъ. Учительница

---

1) Послѣдніе два примѣра, вѣроятно, болѣе поздняго образованія и могутъ объясняться также аналогіей къ формамъ: *ведут*, *несут* и пр.

2) Эти случаи отчасти можно объяснять и вліяніемъ нечленныхъ формъ на членныя.

Гжельской школы любезно мнѣ сообщила, что лѣтъ 15 назадъ дѣти окрестныхъ деревень уже не цокали. Во всѣхъ деревняхъ въ настоящее время молодые уже не цокаютъ, хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ и сохраняется вполнѣ отчетливое оканье.— Въ случаѣ мѣны *ц* и *ч*, какъ *ч*, замѣняющее *ц*, такъ и *ц*, замѣняющее *ч* произносятся очень мягко и нерѣдко слышится звукъ средній между *ц* и *ч* (ц^{ъ}). Случаевъ *ч* вм. *ц* очень немного, случаи съ *ц* вм. *ч* многочисленны. Въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ *ч* соотвѣтствуетъ нашему *ч*, т. е. черезъ *ц* не замѣняется, оно произносится нѣсколько тверже нашего. *Ц* всегда очень мягко. Описанный характеръ цоканья и случаи мѣны *ц* и *ч* во всѣхъ деревняхъ, кажется, тожественны. Примѣры: *се^{ъ}ц'я́с, пец'ка, мал'-ц'йшка, ч'ёлый, ч'я́рствіе, ч'ёрква*; *в рабо́тниче^{ъ}ях, ц^{ъ}йсто.*

Звуки *ш* и *ж* произносятся, какъ у насъ. Двойные *ш* и *ж* обычно произносятся мягко; иногда лишь двойное *ш* звучитъ полумягко или твердо: *рашшы́бу́т, йшшэ, шшо* (иногда: *ще*), *ве́шшы, си́лышша.* Слово *жен'щина* я слышалъ съ мягкимъ *щ.*

Группа *чн* обычно звучитъ *шн: фабри́шной, коне́шно, серде́шной* и пр.

Г=g (не h). Произношеніе *г* какъ h отмѣчено лишь въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ слышно h и въ обще-русскомъ языкѣ: *коhды, тоhда, никоhда, hдъ* (и даже съ пропускомъ *h : дъ*) *некоhда, hоспо́т', Боhоро́ц'к, боhа́тый.*

Твердыхъ губныхъ на концѣ словъ мнѣ слышать не приходилось, наоборотъ, отмѣчено: *сем', восем', руп', кроф'* и др.

Только изрѣдка слышалъ мѣну *к* и *т* передъ *и: тиснут'* (=киснуть), *кис'ма́, китра́т'*, но *Ван'ки, Пет'ки.*

Мягкаго *к* въ словахъ *Ван'кя, чайкю* и пр. нѣтъ, но изрѣдка слышалъ *к* въ *толькы, сколькы.*

Приставное *j* мы находимъ во всѣхъ деревняхъ передъ э, у, и: *йиздит', йим, на юлицу, ета, етово.* Этотъ j иногда звучитъ очень слабо. Наблюдались случаи его отсутствія: эн, эво, эфто, энтово.

Во всѣхъ деревняхъ, даже у молодыхъ крестьянъ, иногда

наблюдается пропускъ губныхъ *б* и *в* между гласными или передъ согласными (кажется, чаще—передъ шипящими и свистящими): *ба́ушка*, *дѣ́ушка*, *тіа́*, *сіа́*, *тиѧ́* (=тебя, иногда съ очень слабымъ *j*); *тіэ́* и *теэ́* (=тебѣ); *сё* (=всё; иногда съ очень слабымъ *в* передъ *с*, но чаще вовсе безъ *в*); *воростьа́*, *кушыны́*, *напро́ти часо́вни*; *Миколаи́с'кой*, *Ко́шерос'кой* и др.

Обычно слышна мягкость *с* суффиксовъ *ьск* и *ьств*, а равно иногда мягка и предшествующая суффиксу согласная: Григо́р'-с'ка, в Ра́мен'с'ко и в Рамен'ско, ч"я́р'с'твіе и др. Эта особенность наблюдается, главнымъ образомъ, въ говорѣ старыхъ крестьянъ.

Мѣны *ф* и *х*, шепелявости въ произношеніи *с*, *з*, *т*, *д*, мѣны *у* и *в*, а равно и неслогового *ў* въ говорѣ Гжельскомъ не отмѣчено.

Отмѣчалось постоянно *ф* передъ отзвучными и на концѣ словъ вмѣсто *в*: *кроф'*, *ла́фка*, *да́фка* и пр.

Изъ мелкихъ особенностей въ произношеніи согласныхъ я собралъ достаточное количество примѣровъ на слѣдующія: 1) *доржа́т'*, *издоржа́тца*, *содоржа́тцы*: 2) *зелы́зо*, 3) *гля*, 4) *дражни́т'*, *передра́жнивут*, 5) *перекстѝс'*, *окстѝс'*, 6) *чижо́лъй*, 7) *манё'ко* или *маэ́н'ко*, 8) *Игу́вново* (= Игумново, названіе деревни), *вного*, иногда *(м)ного* съ очень слабымъ *м*: 9) *Евденій*, *Евденья* (другихъ случаевъ на переходъ *г'* въ *д'*, повидимому, нѣтъ).

Отмѣтимъ одно нефонетическое явленіе: *с эстим*, *обэ́фтом*, *кэхтому*, *энтот*, *на энтим мьсти* и пр.

Изъ формъ существительныхъ отмѣтимъ: 1) *на молочы́шку*, *с того бо́ку*, *ф суду́*; 2) им. *время*, род. *время*, дат. *времі*, мѣстн. *при времі*; 3) род. мн. *сыновъёф*, *дьлоф*, *яготкоф*, *заведеньеф*; 4) *у снохе*, *у сестре*, *у хрёсни*, *до зафтре*; 5) *сусьды*, *хрисьяны*; 6) смѣшеній дат. и твор. мн. ч., а равно замѣны формъ дат.—мѣстн. формою родительнаго въ ж. р. (т. е. формъ *волкам* вм. *волками* и наоборотъ, а также формъ *в избы*, *к избы*) въ Гжельскомъ округѣ не наблюдается; 7) формы мѣст. *в лугаф*, *в льсаф* и пр.

Изъ формъ именъ прилагательныхъ я обратилъ вниманіе на слѣдующія: 1) им. ед. на *ой* и *ей* (послѣднее рѣдко): *милой*, *один-*

натцатой, *третей*, *лѣтней*; но также и сходно съ нашимъ на ъй и ій: *пъяный*, *крес'ьян'скъй*, *синій*; 2) род. ед. м. ср. р. на *ово: второво*, *лёгон'ково*, *быстрово*; иногда также на *ова: этовă*, *добровă*; 3) мѣстн. ед. муж. ср. р. сходенъ съ творительнымъ: *в'йетим мъсти*, *в Бо҃нороцким*, *на барским дворъ*; 4) им. мн. на *ые*, *іе* (рѣдко *ыи*): *разные*, *какіе*, *слёпые*, *бъдныи* [1]); 5) им. мн. на *и* вм. нашего *ы* въ словахъ: *сыти*, *ради*; пословица: *цъм бо҃нати*, *тъм и ради*; 6) обычны стяженныя (нечленныя?) формы въ разныхъ падежахъ; 7) сравнит. степень: *боле*.

Въ склоненіи мѣстоименій интересны слѣдующія формы: 1) *йиé*, *иé* (иногда съ очень слабымъ *j*) вин. род. ед. (форма *её* извѣстна лишь молодымъ и бывалымъ); 2) *тебе*, *себе* вин. ед. (по большей части впрочемъ съ пропускомъ *б*; изрѣдка вин. *тя*, напр., *h҃оспо́т' тя*, *Орина*, *принёс*; 3) *ёнъ*, *оны*, *ёны*, *одны*, *самы*, *мое*, *вси*, *одных*, *са́ме* (им. мн.); 4) *што*.

Изъ формъ спряженія записаны слѣдующія. 1) Третье лицо ед. числа всегда на *т* твердое (*стоит*, *виснут*, *спрашывает*), исключая вспомогательнаго глагола *ест'* и глагола *можыт'* (= можетъ быть). 2) Въ третьемъ лицѣ множественнаго числа вмѣсто окончанія *ят*, если на этомъ окончаніи не стоитъ ударенія, постоянно я наблюдалъ окончаніе *ют: хо́дют*, *но́сют*, *ѣздют*, *запо́мнют* и пр. 3) Нерѣдки въ наст. вр. гортанные вмѣсто шипящихъ; *пекёт*, *жгёт*, *могём*, *солёш*, но формъ въ родѣ *пеко́т*, *моготъ* я ни разу не слыхалъ. 4) Возвратный залогъ имѣетъ разнообразныя окончанія: *ся*, *си* (вм. *шьси* произносятъ всегда *сси*), *с'*, *сы*, *са*, *с*, *тце*, *ццы* (*тцы*), *тца*, *тци*, *шц"и: боимся*, *помо́лимси*, *запу́таисси*, *уроди́лос'*, *дожыда́имсы*, *взялсы́*, *соглаша́лса*, *воз'мус*, *сгорба́титцэ*, *с'мёётцы*, *з'дѣлатца*, *же́нюц'ц'и*, *с'мятц"и* и пр. Интересно, что въ этой формѣ большое разнообразіе я наблюдалъ обычно въ говорѣ одного и того же лица. Такъ старуха, урожденная Коняшинская и выданная въ Глѣбово говорила: *хоц'ц'и* и *хоцца*, *дожидайси* и *-ся* (съ ясными *и* и *я* на концѣ). Далѣе необходимо

1) У молодыхъ окончанія *ыи*, *іи* часты.

отмѣтить, что въ окончаніяхъ *ся* и *си*, *са* и *сы* конечные *я*, *и*, *а* и *ы* иногда прозносились очень кратко, особенно въ слогахъ далекихъ отъ ударенія и трудно было опредѣлить въ этихъ случаяхъ качество звука; кромѣ того нерѣдко вмѣсто этихъ *я*, *и*, *а*, *ы*, я слышалъ звуки неполнаго образованія. Довольно большое количество собранныхъ мною примѣровъ позволило мнѣ сдѣлать догадку, что въ постановкѣ окончаній *си* (*ся*) и *сы*(*са*) наблюдается нѣкоторая закономѣрность, а именно въ формѣ 2 л. ед. ч., соотвѣтствующей нашимъ *-ешься*, *-ишься* обычно появляется *исси* (*ися*), а въ формѣ, соотвѣтствующей нашей *-лся* стоитъ *лсы*(*лса*): *боисси*, *смiёсси*, но *жеⁱнилсы*, *боялсы*. Вѣроятно, здѣсь имѣетъ значеніе качество предыдущаго звука. 5) Неопр. накл. на *и* (*сѣчи́*, *берегчи́*) я не слышалъ, наоборотъ, нерѣдко приходилось наблюдать формы: *сѣц'*, *бѣц'* и пр.—Постоянно говорятъ *ит'т'ит'*, *пойтит'*. 6) Причастія на *мшы* обычны: *ѣмшы*, *споломшы*, *видѣмшы* и пр.

Формы члена разнообразны и употребляются очень часто въ разговорѣ у старыхъ людей: *му́жот*, *зя́т'от*, *воды́-ты*, *вина́-та*, *из Риги-те*, *до лѣ́су-ту*, *к мамашы-ти*, *к сёлу-ту* и *к сёлу-то*, *дочку-ту*, *на недѣлю святую-ту*; *ф Хрипани-ту*; *в одном-ти дому*; *ф подъёмъ-те*; *коhда мы были ма́нен'ки-те*, *бѣдны-тѣ бо-hатым-ти кланяютца*; *волкам-ти у нас-ти николи́ не доводилос' бѣгат'*, *снохам-те*, *ф санях-те* и пр. Въ говорѣ молодыхъ и особенно бывалыхъ крестьянъ членъ встрѣчается гораздо рѣже, а иногда (у немногихъ) его и вовсе я не могъ отмѣтить.

Говоръ деревни Старково я разбираю особо, такъ какъ онъ рѣзко отличается отъ говора другихъ селеній Гжельскаго округа особымъ произношеніемъ неударяемыхъ гласныхъ. Здѣсь въ говорѣ стариковъ и старухъ старше 70-ти лѣтъ я слышалъ много гласныхъ неполнаго образованія [1]), иногда элементы сильнаго

1) Обиліе гласныхъ неполнаго образованія на границѣ акающихъ и окающихъ говоровъ не представляетъ ничего особеннаго; сравни аналогич. случай въ Свѣд. о народн. говор. селен. Моск. уѣзда В. И. Чернышева, стр. 75—77.

аканья, а иногда и отчетливое оканье. Были случаи, когда эти элементы соединялись въ говорѣ одного и того же лица.

1. *Дрăвá, пăлѣ́с, пéр'въй, Сафóнăвъ* (названіе деревни), *гъвăрúт, събирáетцъ, всивó, увиз'лú.*
2. *Ницявó, яé, спасашóц'кам, халастóва, кáкжа.*
3. *Прошлá, сýмоц'ки, штош аднамý-то пѣт' то, взела, метéл', евó, Пúтер.*

У людей молодыхъ и бывалыхъ въ этой деревнѣ чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Гжельскаго округа, наблюдается *а* вмѣсто *е* въ слогѣ передъ удареніемъ послѣ шипящихъ: *Рожаствó, ничáво, жалáет, Клишавá, чавó.*

Въ говорѣ крестьянъ среднихъ лѣтъ и молодыхъ, кромѣ вышеуказаннаго *а* изъ *е*, неударяемые гласные произносятся, какъ у насъ. Въ говорѣ дѣтей этой деревни иногда наблюдается смѣшеніе оканья и аканья.

Цоканье замѣчается въ настоящее время только у старухъ, которымъ больше 70-ти лѣтъ. Тѣмъ не менѣе позволительно предполагать, что нѣкогда всё Старково цокало: 1) священникъ, прослужившій тридцать лѣтъ въ приходѣ, къ которому принадлежитъ Старково, указалъ, какъ на отличіе Старковскаго говора, на цоканье, которое ему постоянно приходилось наблюдать и въ прежнее время у стариковъ и старухъ; 2) одна изъ родившихся здѣсь старухъ (цокающая) заявила, что въ деревнѣ всѣ «прицёкываютъ, развѣ кромѣ молодыхъ»; 3) старуха, родившаяся здѣсь и выданная въ село Гжель, съ которой мнѣ пришлось въ Гжели разговаривать, цокаетъ, сохраняя въ тоже время Старковское произношеніе неударяемыхъ гласныхъ; у ней отмѣчено: *лъшăдéй, хăрóши, тăпéр', мăму, внук-ăт* и пр.; 4) то же косвенно подтверждаетъ разсмотрѣнное выше смѣшеніе въ этой деревнѣ элементовъ оканья и аканья, если съ этимъ сопоставить тотъ фактъ, что въ послѣднее, по крайней мѣрѣ, время въ этой мѣстности оканье уступаетъ аканью, а не наоборотъ; оканье же въ данной мѣстности предполагаетъ цоканье.

Характеръ цоканья и случаи замѣны *ц* черезъ *ч* и *ч* черезъ *ц*, повидимому, тѣже, что и въ Гжели.

Кромѣ указаннаго особаго произношенія неударяемыхъ гласныхъ, а также кромѣ замѣны *ѣ* черезъ *и* и *я* черезъ *е* (чего въ Старковѣ не отмѣчено ни разу) всѣ остальныя фонетическія и морфологическія особенности, перечисленныя выше при описаніи говора Гжельской округи, отмѣчены и здѣсь въ говорѣ старухъ.

Б. Говоры акающіе—цокающіе.

Въ деревняхъ у Пятницкаго Погоста Ваниловѣ, Дворниковѣ, Знаменкѣ и Ново-Марьинкѣ—одинъ говоръ, хотя въ большей чистотѣ особенности стараго мѣстнаго говора сохраняются въ Ваниловѣ. Наблюденія надъ рѣчью старухъ и стариковъ въ этихъ деревняхъ привели меня къ заключенію, что здѣсь аканье съ отчетливымъ по большей части произношеніемъ неударяемыхъ гласныхъ, а иногда и съ довольно сильнымъ ихъ растяженіемъ, которое всего чаще слышалъ я въ слогахъ, сосѣднихъ съ удареніемъ; протягивается почти исключительно *а* (я), которое произносится при артикуляціи передняго нёба съ сильнымъ оттяженіемъ языка назадъ и широкимъ открытіемъ рта. Яканье въ слогѣ передъ удареніемъ встрѣчается довольно рѣдко, въ слогѣ за удареніемъ—чаще (почти постоянно въ окончаніи прил. и прич. *яй* (*ай*) вм. *ій*). Изрѣдка встрѣчаются элементы оканья. Гласныхъ неполнаго образованія очень немного; иканье иногда рѣзкое.

1) *ха̄ро́ша̄й*, *па̄сто́й*, *са мной*, *паразгаваривамъ* (всѣ слоги произнесены полно и отчетливо); *падмо́ниш* (=подманишь) *па̄па́ла*; *по́т пал* (=подъ полъ), *ба́рин-ат*, *разгава́риваш*, *до́бра̄й атпилили*.

2) *ф сърӑфана́х*, *съпӑги*, *на́дът'*, *в этъй*, *дыпитухо́ф*, *за ягдами*, *х(ъ)ластой* [1]), *утръм*, *гъвӑрят*, *възрастит*.

---

1) Въ скобкахъ помѣщаю звуки едва слышные въ произношеніи.

3) *цяво́, яво, сляпой, пере́дня̄й, ка́кжа̄, дво́я, питанья* (им.) *плахо́я, Ми́тряй.*

4) *дилоф* (и *дялоф*), *па рика́м, дила, тилу́шка, питацёк, бисцяво́, иму, жыну, капе́ик.*

5) *бӣрёт, вир'тѣтцы, миня, тія́, висёлым, ф силѣ́, г Дуни; пе^{і}ре́дня* (*и* по большей части по качеству звука напоминаетъ наше ударяемое).

6) *какдё̆; стога́; пачому́; са́ло̄, э́то.*

7) *Ста́ре, баhа́те, быле^{і}, пѣ́ле* (= были, пѣли) и пр.

Въ говорѣ людей молодыхъ и бывалыхъ нѣтъ растяженія неударяемыхъ гласныхъ, нѣтъ рѣзкаго иканья, нерѣдки гласныя неполнаго образованія; *а* въ *ничаво́, жалат'* и пр. обычно.

У вм. *о* какъ и въ Гжели постоянно въ тв. ед. ж. р.; но рѣдко—въ началѣ словъ, въ противуположность говору Гжельскаго округа; такъ мною отмѣчено: *аддана́, атцяво́, аттаво́, атвицят', атпилили, аднаво́* и др. и лишь изрѣдка: *упаздал, утапри.* Наконецъ здѣсь я слышалъ еще *у* вм. *о* послѣ согласнаго въ словахъ: *хут', хуш* (постоянно); *пуж'ж'яйти, путру́* (=по утру). *У* вм. *а* говорятъ иногда въ словахъ *супаги, сумаваръ.*

Отмѣчено въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и въ Гжельскомъ округѣ, стяженіе гласныхъ, пропускъ и вставка ихъ, тѣ же *пиринёк* и *пирашок*, но ни разу не слыхалъ я замѣны *ѣ* или *е* черезъ *и*, а также замѣны *а* между мягкими звуками черезъ *е*.

Цоканье сходное съ Гжельскимъ я постоянно наблюдалъ у старухъ и стариковъ; въ этомъ явленіи отмѣчено лишь одно небольшое отличіе: при обычномъ *ц* мягкомъ вм. *ч*, я нѣсколько разъ слышалъ твердое *ц*: *цугунц'ик, уцыпилсы, цытат'.*

Рѣзкой отличительной чертой описываемыхъ говоровъ въ области согласныхъ является шепелявое произношеніе звуковъ: *с, з, т, д*, а также изрѣдка *ш* и *ж*. Особенность эта свойственна говору стариковъ, старухъ и молодыхъ бабъ; отъ парней и мущинъ среднихъ лѣтъ я ничего подобнаго не слыхалъ:

Макс^{ш}им, с^{ш}нес^{ш}ли, пас^{ш}идити, с^{ш}няли, з^{ж}има, з^{ж}ятч^{ч}; Хоз^{ж}икоф, муз^{ж}; порт^{ч}іями, мет^{ч}ел', сад^{ж}ила, hд^{з}ѣ, прежд^{ж}е и пр.

Всѣ шепелявые звуки произносятся чрезвычайно мягко. Замѣтимъ, что *ж* и *ш* вообще говоря въ говорѣ этихъ деревень—тверды.

При обычной мягкости двойныхъ *ж* и *ш* спорадически я слышалъ и твердость ихъ: *е'шшо́*, *свяшше́нника*; *пріижжаш*, *дожжом* [1]). *Ф* вм. *х* (*хв*) отмѣчено въ словахъ: *фала*, *панафида*, *фатера*; *куфня*; *х* вм. *ф* въ словѣ *Ха́устава* (названіе станціи ж. д.).

Случаевъ выпаденія *в* здѣсь записано больше, чѣмъ въ Гжели. Кромѣ отмѣченныхъ тамъ—еще: *пирёт миня*, *запрълъ*, *зайти* (=взойти), *зоры* и др.

Отмѣчена много разъ мягкость *р*: *цер'кя́ф'*, *дер'жат'* (при *доржат'*), *пер'вай*, *сер'п* и др.

Вопросительное мѣстоименіе звучитъ *що* и *щчо*; у бывалыхъ и молодыхъ *што*.

Всѣ остальныя особенности въ области согласныхъ, отмѣченныя въ Гжельскомъ округѣ, я замѣтилъ и здѣсь; мнѣ не случилось лишь услышать примѣровъ на мягкость согласныхъ передъ суффиксомъ *ьств*, хотя я не сомнѣваюсь въ существованіи этого явленія въ виду того, что собрано много примѣровъ на мягкость согласной передъ суффиксомъ *ьск*.

Склоненія существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій очень близки къ Гжельскимъ.

Перечислимъ отличія: 1) род. мн. сущ. *канёф*, 2) им. ед. прил. на *ай* (*яй*): *настоящяй*, *домай*, *лѣтняй*, но *тре́тій*, 3) им. мн. прил. *молоди*, *степныя*, *долія*, *какіи*, *бальшущіи*, 4) сравнительная степень оканчивается часто на *е*; кромѣ *боле* отмѣчено еще *ста́ре*^{i}, *пате́пле*^{i}, *баћате*, 5) причастія на *ле* (= лѣ): *пе́ле*^{i} (мы пѣли); *гуляле* (2 р.), *взяле*^{i} (2 р.), *имъле*^{i} (къ сожалѣнію отмѣчено только 6 случаевъ).

Въ спряженіи глагола я не отмѣтилъ ничего новаго; отмѣченное въ окающихъ говорахъ все наблюдалось и здѣсь.

---

1) Примѣровъ на твердое двойное *ж* въ Гжельскомъ округѣ я не слыхалъ и этою особенностью говоры деревень Пятницкаго погоста также между прочимъ отличаются отъ Гжельскихъ.

Для уясненія характера употребленія члена интересны слѣдующія три фразы: «*Вот послъ-те я с первуй-те жаной жыл*», «*А муж-ат такой жа папал, первай-ат*», «*Ана была аддана ф симейству-ти нево за́ сына*».

Наконецъ, я отмѣтилъ здѣсь въ говорѣ нѣкоторыхъ лицъ отсутствіе средняго рода: *молоко—онъ*; *эта нарьчія*; *в нашу семейству*; *двъ училишша* и пр.

Очень сходна по говору съ деревнями Пятницкаго погоста мѣстность, называемая *Гвоздня*, т. е. деревни: Цибина, Ивановка, Говоркова (Надеждина тожъ), Юрова, Бисерова, Пласкинина, Юрасова и Золотова. Въ Цибинѣ, Говорковѣ и Ивановкѣ я самъ былъ; съ говоромъ остальныхъ селеній я познакомился частью изъ разговоровъ съ крестьянами этихъ деревень, частью изъ письменныхъ отвѣтовъ на мои вопросы лицъ, интересовавшихся говоромъ этихъ селеній.

Въ Цибинѣ, Говорковѣ и Ивановкѣ я отмѣтилъ сильное аканье, но безъ растяженія неударяемыхъ гласныхъ: *пастаре́*, *залаты́е*, *Гаваркова́*, *на́ бак*, *э́тава* (во всѣхъ примѣрахъ отчетливое произношеніе *а*); *сямо́й*, *шасто́й*, *яе́*, *духавы́я*, *какія*; сравнит. степ. *скарьня*, *умнъя*, *живъя* (ср. степ. на *ъя* въ Пятницкомъ погостѣ я не слыхалъ). Я отмѣтилъ далѣе элементы оканья (*запоёш*, *Овдо́тья*, *пого́с*, *то́жо*, *э́тово*, *тонцыва́т'*), сходное съ Ваниловскимъ иканье и опущеніе гласныхъ, бо̀льшее количество, чѣмъ въ Ваниловѣ, гласныхъ неполнаго образованія въ неударяемыхъ слогахъ, шепелявость, почти исключительно въ говорѣ старухъ. Въ остальномъ говоръ старыхъ людей этихъ трехъ деревень вполнѣ сходенъ съ говоромъ деревень Пятницкаго погоста. Но въ говорѣ молодыхъ и лицъ среднихъ лѣтъ гораздо больше сходства съ языкомъ образованнаго русскаго общества; я наблюдалъ въ ихъ рѣчи большое количество гласныхъ неполнаго образованія, даже въ слогахъ сосѣднихъ съ удареніемъ, отсутствіе шепелявости и цоканья, у многихъ—полное отсутствіе яканья.

Изъ сообщенія учительницы деревни Малышева я узналъ, что въ Малышевѣ, Кузнецовѣ и Юровѣ: 1) аканье, 2) произношеніе *у* вм. *о* въ словахъ *сумаваръ*, *супаги*, 3) цоканье исключительно у старыхъ, 4) вставки гласныхъ въ словахъ: *то́лыстай*, *пышаница*, 5) формы: *в саняф*, *в лугаф*, *аны́*.

Отъ Н. В. Зотиковой я узналъ, что въ селѣ Михалёвѣ цоканье и сильное аканье, опущеніе *в*, спорадически твердые двойные *ж* и *ш*, шепелявость у старухъ, членъ. Здѣсь ею отмѣчено: *нац'-ле́г*, *паш$^{с'}$ т$^{ч'}$е́л'ка*, *яво́*, *Петро́с'ка*, *ч'а́р'*, *ч'е́р'къ'ф'*, *Ха́устава*, *ба́ушка*, *пріижжа́й*, *хлѣб-от* и др.

Отъ крестьянъ селенія Петровскаго я слышалъ произношенія: *Пятро́с'ки*, *вясна́*.

Изъ разговоровъ съ крестьянами деревни Юрасово я отмѣтилъ: *ѣ́жжу*, *ишшо́*.

О говорѣ села Конобеева я узналъ черезъ В. В. Зотикова слѣдующее: цоканье (*телёноцик*, *ат'е́ч'*), яканье (*сляпо́й*), шепелявость (*пя́т^{ч}еро*, *т^{ч}елѣ́га*), *к* вмѣсто *т* передъ *и* (*скисне́ніе*), *з* вмѣсто *ж* въ «*зелѣ́зо*».

Переходнымъ отъ акающихъ-цокающихъ говоровъ Пятницкаго Погоста къ окающимъ-цокающимъ говорамъ Гжели является говоръ деревень Осташкова и Молокова. Въ этихъ деревняхъ мнѣ пришлось ограничиться самыми бѣглыми наблюденіями. Отмѣчено большое количество гласныхъ неполнаго образованія (нъзыва́итцы, ӑдна́во́, стӑрики́, Пи^{е}тербу́рх), яканье очень рѣдкое (ницяво́, ту́т-жа), обычны лишь произношенія: «ничяво́», «Рожаство́», стяженіе гласныхъ (паднаму́, вло́памся), цоканье (цяво́, рѣц'), пропускъ *в* въ словѣ «все», творит. ж. р. на *уй*, окончанія *ся*, *си*, *са*, *ца*, *цы* въ возвр. залогѣ, формы члена: *ста́р-о̆т*, *наши-тѣ слава́*, *па пре́жнему-ту*, и др.

Здѣсь же мнѣ сообщили, что въ Арининѣ и Антоновѣ говорятъ: *цёво́*, *лёта́т'*.

Къ акающимъ-цокающимъ говорамъ принадлежитъ также и говоръ Польщины—такъ называютъ часть Бронницкаго уѣзда, ограниченную съ востока и юга Москвой рѣкой и Коломенскимъ уѣздомъ, а на сѣверѣ доходящую приблизительно до Бронницъ. Въ Польщинѣ я посѣтилъ село Косяково, а также школу села Абакшина, гдѣ бесѣдовалъ съ дѣтьми, пришедшими изъ Бѣлькова, Абакшина, Михѣева, Колоколова, Рыболова, Татарщикова, Юсупова и Лысова.

Въ Косяковѣ я записалъ: 1) *канéшна*, *старáнья* (им. ед.), *баháтава*, *сóвисна* (нарѣчіе), *на халадý-та*, *хъраша́*; 2) *в лясý*, *явó*, *прядý*, *стяпнáя*, *сляпóй* (яканье вообще довольно сильно); 3) *нынцы*, *на дилáх*, *пириминя́ла*, *сиця́с*, *дéсит'*; 4) *хут'*, *упаздáл*; 5) *пуцéнью* (по ученью), *Прибражéнья*; 6) цоканье такого же характера, какъ и въ другихъ деревняхъ; 7) шепелявость, повидимому, обычная у старухъ: *д^{в}е* (=гдѣ), *цитáц'* (=читать), *бáц'юшка*, *ф ц'имнац'ѣ*, *С^{ш}éргію*, *пос^{ш}идѣт'*; 8) г=g, но *таhды*, *каhды*, *баháтава*, *hóспади*; 9) *скóл'ки*, *тóл'ки*; 10) пропускъ *в* и *б*; 11) мягкость согласныхъ при суффикосѣ *ьск*; 12) 3-е лицо на *тъ*; 13) *ют* вм. *ят* (*хóдют*); 14) разнообразіе въ формахъ возвр. зал.; 15) членъ; 16) мѣстоименія звучатъ: *щчо*, *сцо*, *сцё*, *сто*, (*не тó сто*), *што*. При краткости наблюденій въ этомъ селѣ я не успѣлъ собрать достаточно данныхъ, чтобы дать точныя свѣдѣнія о формахъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ.

Въ говорѣ дѣтей Юсупова, Татарщикова и Лысова я отмѣтилъ мягкое *к* въ Ванькя и 3-е лицо глаголовъ на т' (*вя́жут'*, *идýт'*, *заýт'*).

О селѣ Рыболовѣ я получилъ извѣстіе, что тамъ цоканье, говорятъ: *вышѣ́я*, *сил'нѣя* и даже *пáлкуя*.

Въ Косяковѣ крестьянка, родившаяся въ деревнѣ Безпятово, сообщила мнѣ, что въ ея родной деревнѣ, а также селеніяхъ: Семеновскомъ, Митьковѣ, Макаровкѣ, Троицкомъ, Денисьевѣ и Булгаковѣ говорятъ: 1) ч'я́р', авчя́, чéрква, атéч'; 2) чайкю́, Марѳýточкя, Вáн'кя; 3) заýт', идет'. Но все это по ея словамъ

188
Ин-т. Сост. Истории Литератур и Языков Запада и Вост.
БИБЛИОТЕКА

въ настоящее время осталось только въ говорѣ «донныхъ» старухъ.

Наконецъ, акающій-цокающій говоръ былъ отмѣченъ мною почти на границѣ Бронницкаго, Егорьевскаго и Коломенскаго уѣздовъ, въ мѣстечкѣ Харловѣ, въ селѣ Осташовѣ (вблизи Харлова), и деревняхъ Климовѣ и Берендинѣ.

Отъ крестьянъ всѣхъ этихъ деревень я записалъ цоканье при сильномъ аканьѣ, при чемъ отмѣчено, что неударяемыхъ слоговъ не растягиваютъ, но они отчеканиваются, почти какъ ударяемые.

Отмѣчено: 1) *цявó*, *дялá*, *рякá*, *сястрá*, *кáк-жа*, *пъскарп̀я*, *ня знáит* (но «ищó»), *привáжываити*, *нá пиц'*, *шишнацыт'*, *заливáит*, *знáит*; отъ Берендинскихъ даже *пáлкуя*; 2) *брéзгувут*, *забивáм*, *мúла мая́*, *ни-бижáйся*, *на-гарóт*, *прā*, *наокнó*; 3) *цéрква*, *цилаэ̀к*, *дóц'*, *пацéт*, *мал'цúшка*, *цявó*; 4) пропускъ *в* въ извѣстныхъ случаяхъ; 5) мягкость *с* въ суффиксѣ *ск*; 6) *г=g*; 7) членъ.

Въ говорѣ старухъ изъ Берендина я замѣтилъ кромѣ того: *тóл'кя*, *Вáн'кя*.

Въ Осташовѣ я замѣтилъ шепелявость: *паз^{ж}я́луй*, *д^{ж}ис^{ш}итú*, *д^{ш}éн'ги*, *с^{ш}мiе̋тцы*.

Въ мѣстахъ къ югу отъ Харлова и вообще въ юговосточной части Бронницкаго уѣзда, а также въ сѣверо-восточной части Коломенскаго говоръ, повидимому, мало чѣмъ отличается отъ сейчасъ описаннаго. По сообщенію механика Харловской Мануфактуры инженера Филатова аканье и цоканье слышно въ Губинѣ, Очкасовѣ, Сабуровѣ, Новлянскомъ, и вообще около станціи Воскресенской Московско-Казанской ж. д. Онъ же сообщилъ объ цоканьѣ въ Елкинѣ, Ильинѣ, Черкасскомъ, Шильковѣ и Жуковѣ. Крестьянка села Очкасова называла мнѣ снохъ и невѣстокъ изъ деревень Ратчины, Губина, Степанщины, Чуркина, Новосёлокъ, которыя цокаютъ, а у нихъ (въ Очкасовѣ) уже «эту моду» бросили. Крестьянинъ села Воскресенскаго сообщилъ о цоканьѣ въ Лопатинѣ. Крестьяне неоднократно говорили мнѣ о цоканьѣ возлѣ станціи Пески (Черкизово, Боръ, Подлужье, Сѣ-

верско, Микульско, Мячиково, Сабурово и др.). Цоканье встрѣчается во всѣхъ этихъ мѣстахъ, повидимому, почти исключительно у старыхъ. Кажется, есть селенія (напр. Воскресенское), гдѣ этого цоканья вовсе не замѣчается.

В. Говоры акающіе-нецокающіе.

Въ селѣ Раменскомъ я провелъ не мало времени. Мнѣ приходилось здѣсь разговаривать съ крестьянами не только Раменскаго, но и окрестныхъ деревень, такъ какъ на фабрику въ Раменское стекается большое количество народу. Мои наблюденія были пополнены письменными отвѣтами на мои вопросы инженеръ-механика В. В. Зотикова. Кромѣ того учительница Раменской школы М. А. Автократова любезно сообщила мнѣ особенности говора дѣтей при поступленіи ихъ въ школу.

Во всѣхъ деревняхъ, расположенныхъ недалеко отъ Раменскаго (Дементьевѣ, Дергаевѣ, Клишевѣ, Сафоновѣ, Загорномъ и Новомъ селѣ), говоръ въ общемъ одинаковъ. Здѣсь наблюдаются сходные по качеству съ нашими гласные неполнаго образованія въ слогахъ удаленныхъ отъ ударенія и въ слогѣ за удареніемъ (*дъбѣжы́м*, *до́брăвъ*, *нын'че*^{и}); иногда только *а* произносится болѣе отчетливо, чѣмъ у насъ, особенно въ слогѣ передъ удареніемъ: *пăгади́*, *дамо́й*; встрѣчается *я* вмѣсто *е* въ слогѣ передъ удареніемъ передъ твердой согласной, но далеко не постоянно: *вярста́*, *тялу́шка*, *вясну́*, *сястра́*, *пяту́х*, *в лясу́*, но и *вирста́*, *питухъ*, *се*^{и}*стра* и др. (это яканье распространено наиболѣе въ Дементьевѣ и наименѣе въ Раменскомъ); послѣ шипящихъ *а* вмѣсто *е* особенно устойчиво: произношенія «*ничаво*», «*Рожаство*», «*Клишава́*» и т. п. довольно обычны; стяженіе гласныхъ сходно съ Гжельскимъ; *у* вмѣсто *о* (а)—не рѣдкость: *супăги́*, *сумăва́р*, *утăпри́*, *зупăзда́л*, *угаро́т*, *Ва́нькуй*, *э́туй*, *куде́люй*, но постоянно *хот'* и *хош*; *г* = *g*; на концѣ словъ вмѣсто *г* — *к*: *друк*, *вдрук*,

луж; шипящіе *ж*, *ш*, *ч* произносятся какъ у насъ; двойные *ж* и *ш* постоянно мягки; передъ *и* мѣняются *к* и *т*: *тарéлти*, *тúслый*, *тúснут'*, *скиснéніе*, *кисёмка*; спорадически *ф* вмѣсто *х*: *фатéра*, *феруви́м*; начальный *й* въ словахъ «*йúх*», «*éто*», «*éти*» и т. п.; *д* вмѣсто *г* въ *Евдéнья*; *ш* вмѣсто *с* въ *шышнатцат'*.

Изъ формъ отмѣчено: форма дат. вм. род. ед. ч. ж. р. «у сестрѣ», «у женѣ»; форм. род. мн.: *стараньеф*, *мъстóф*, *йáткъф*, *кúзницáф*, *канцéй*; мѣст. множ. *в мъсáф*, *в лугáф*; форма твор. прил. вм. мѣстнаго въ ед. ч. муж. ср. р.: *в э́тим мѣсти*, *на бáрским дварѣ*; им. мн. прилагательныхъ: *сы́ти*, *рáди*; вин. ед. ж. р. мѣстоим. *её* (не *её*); формы мѣстоим.: *моѣх*, *моѣ*, *йдны́*, *сáмы*, *што*; возвр. залогъ на *ца*, *са*; изрѣдка членъ.

Нерѣдко встрѣчалъ примѣры, указывающіе на отсутствіе средняго рода.

Г. Образцы народныхъ говоровъ Бронницкаго уѣзда.

Деревня Григорово.

Ты рябúна, ты рябúна кучарáвая,
Ты кудрáвая мбя![1])
Ты мал'чúшка, ты мал'чúшка,
Раз'нищáсная суд'бá!
Знал бы вѣдал, ни жанился—
Чужой вѣк ни сталъ губит'.
Мнѣ с хорóшуй щáсья нѣту,
А съ плбхóю жыт' нел'зя́.
Пойду г бéрешку крутому,
Ро^{a}згуля́юся одна́.

1) Знаками $\bar{o}$ и $\bar{e}$ я отмѣчаю особенно отчетливое произношеніе *о* и *е*, напоминающее ударяемые *о* и *е* литературнаго русскаго языка.

Вес' я бе́рек изо́шла,
Свово дру́га ни нашла́;
Я сплеснула́ руки на грут',
Сама пала нъ моря́.
Слушай ре́ч'ка, слушай, Во́лга,
Какъ я с' ми́лым растаюс'!

(Записана отъ молодой крестьянки).

Прощай, жыст'-радост' моя:
Слышу, е́диш ут ми^{e}ня!
Намъ должно съ тобой ростац^{ч}ъ (очень краткій звукъ),
Тія (j — слабое) боле не видат'.
Тёмну ноц'ен'ка не спитц'и,
Сама знаю почему.
Сама дэ́^{i}вич^{ч}я сказала:
«За мной мал'ц^{ч}ик ни^{e} гонис',
Зъ мной ни гонис' мал'ц^{ч}ишка,
За мое́^{i}ю красото́й».
—«Ты давно бы мнэ́ сказала,
Нэ́ стал гнатц'и за тобой...
Буду помнит' твои зоры,
Твой висёлой разговор.

(Записана отъ старухи, мѣстной уроженки).

Брала Маша грыбы ягды.
Набрамшы ягъд, заблудилас'.
Заблужомшы, Маша пріяукнула (j слабое):
«Ты, ау, ау, душа мил сердец'ный друк!»
—«Тутъ рат бы, Маше́^{i}нька, тіе аукнутце,
За мной ходют тро́е сторожоф:
Первый сторош—родный батюшка,
А другой сторош—родна матушка,
А трете́^{i}й сторош—молода жона».

(Отъ нея же).

«Экой ты, Ваня, разудала голова!
Скол' далёко утъѣжжяеш ут меня!
На ково жы спокидаеш ты меня?
С кѣм я буду ету зиму зимоват'?
С кѣм прикажыш лѣто тёло гулять?»
—«Гуляй, гуляй, мбя мила, одна».

(Отъ другой старухи, съ дѣтства проживающей въ Григоровѣ).

Уш вы горы мои, горы,
Горы Вороб'йёс'ки!
Уш и хто жэ васъ, горы,
Породили?
—«Породили нас, горы,
Бѣлъ горюч' камен'».
Ис пот камушка
Бѣжитъ рѣчка быстрая.
Какъ на той на рѣкѣ
Растёт част рокигов куст.
Какъ на этим на кустѣ
Сидит мблбдой брёл.
Во кохтях-то ли доржал
Чорново ворона.
Уш он бит' ёво не бил —
Все выспрашывал:
«Уш и дѣ ты, ворон, был,
Дѣ ш ты сизъй погуливăл?»
—«Уш гулял то я, гулял
На дикой степи,
На дикой стипи
На Саратос'кой».
—«Уш и штош ты там видил?»
—«Видил диво дивное[a]:
Лежыт тѣло бѣлое.
И нихто къ эхтбму тѣлу

Не по̄ступитцы.
Прилетали къ эхтому тѣлу
Три ласточки:
Как первая ласточ'ка—
Родная матушка,
А фторая ласточ'ка —
Родной батюшка,
А третья ласточ'ка —
Ёво молода жона».

(Отъ третьей старухи, взятой 40 лѣтъ назадъ въ ту же деревню съ Дону. Пѣсня здѣшняя).

Деревня Ванилово.

К̄апка́н как ставил на лиси́ц'ю! Утръм па́ѣхал глидѣ́т', щчо́ тут за лиси́ц'я ф к̄апка́н па̄па́ла. Гляжу барсук толыстъй. В но́ру тъ влѣс, уцыпилсы. Щчо дѣлат'? Кнут у ме̇ня до́лга̄й, сви́та̄й. Найдѣну на нагу́ барсуку кну́т а̄т. Палѣс. Слиска нага, каротин'ка; запрѣл, магуты́ нѣт. Влѣс ище́. Прасунул руку. Как он йие́ хватит! Ани куса́ц'ки.

(Изъ разсказа 70-лѣтняго старика).

Мы гуля́ле с рабя́тами ф сарафана́х си́них. Ба́ушки Ма́ври кума́шницю паддѣва́ли, ка́к бы пушнѣ́й была, ка́к бы рабя́та люби́ли. Спра́шывут: «Атцяво́ вы, дѣ́фки, гла́тки?» — «А мы атта̄во́ гла́тки — но́сим ю́пки на ва́тки. Ишшо́ раскажу́. У свишшэ́нника жа́ла я рош. Прі(й)ижжа́ит к нам барин адин а мы въ лисо́ц'ки сиди́м. Мая дѣ(в)ушка па̄шла́ ф кане́ц' на ни́вѣ. К ней барин патходит, спра́шыват ей: «Ты ц'йю рош жнёш. Ана йиму́ атвица́ит. А он, какъ лъшадёй бра̄ня́т, (й)ие изруга́л. Я пъдбига́ю в адно́й руба́шки: «Щчо ты ругаисся?» — «Как я ругаюс'?» — «На ті(й)э, баю, крест висит». А он на миня кну́тъм замахну́лсы. Ну, я иму с̀ᵐпину па̄тста́вила: «На́ вот бе́й сицяс!» Не убѣгла́ я, сё

буду стаят' — бол'но ѣденай волкат, неаброблю. Дай Бох тiэ многа лѣт жыт'.

(Изъ разсказовъ старухи здѣшней уроженки).

Прiѣхали аны двоя — Митряй и Лексѣй. Он сѣл на лафку и я возлѣ яво сѣла; он и гварит: «Баушка у миня денik нѣту». А другой: «ты не тужы аб ден'гаф: ден'ги найдутцы». Я бай: «Ликсѣй, Митряй харошай цела(в)эк, баhатай; я, гт, у тiа ден'ги не брал». Патом миня ганяли ф слѣдаванну. Я гварю: «Митрiй запираиццы».....

(Отъ другой старухи).

Деревня Знаменка.

У барина была рыжа карова. Вецеръм-ти паѣла, а паутру акалѣла. Барин за д'верью стаит, а я над ней ваплю, плацю. Барин вашол. — «Што ты, Матрёна, вопиш», барин ат бат: «можеiт, мы с табой до вeiцера не дъжывём—умрём?» — Восим короф даила, как замужем была. Жыла там пят' гадоф. Халера пришла — умер муж-ат. Ат дитей миня насилкуй за муш оддали, ат дитей; к цюжым дѣтям; цюжая-та дитя, ана гримуця. Тапер' у миня нѣт дитей-ти: йие мат' та мнѣ внука, дац'ерня доц'. Маим-ти горюшкам сё поле пасѣянъ, гарюц'ми слезми паливанъ. Па билому cmвѣту пахадила даликo, касатка, даликo. Ф Кеиви-те мы восим дней жыли. Туды пиддисят-шызmдисят в ден' шли. В Ус'плен'с'ким саборѣ была, у Варвари Христовай муциници-те была. А ты пишы ды питухоф.

(Отъ девяностодвухлѣтней старухи).

Деревня Новомарьинка.

Сат ты мой садоцик, сат зeiленай винаграт!
Экай милeiн'кай харошай, раскрасафцик дарагой!

Влажыл мыс'ли зажок маё серце^{n}:
Ни магу ті(й)а я вит' забыт'.
Прапус'тил славу худую—на фсю вотцину пакор.
Стыдна, стыдна мнѣ дѣвоц'ки сталъ ӑдной веце^{i}ръм гулят':
Ва глаза минл дѣфцёноц'ку фсѣ ругают и бранят...
Полна, солнышкъ, пъ за́т лису све^{i}тит'!
Ат солнышка пазасо́хла яблын'ка,
Ат малотц'ика я прапала дѣ́(в)ушка.
Полна, красавица, ты на молатцы тужыт'!
Как ни плакат' па ём, ни тужыт'!
Мнѣ таковӑ па свой по вѣ^{i}к ни нажыт':
Ён да дивицы лис'лиф,
На славах-та гаварлиф.
Че^{i}рнабровай, цирнаглазой, милӧй мой,
Ты падай, мой милен'къй руцин'ку,
Нам ни долга вӑ са́вѣти пагулят'!

(Звукъ *и* нерѣдко почти твердъ. Отъ старухи 70 лѣтъ, которая бываетъ нерѣдко въ Раменскомъ).

Деревня Цибина.

«Систри́цюшка, Але́нушка, папит' мнѣ хоцци». — Ни пей, Ва́нюшка, а то барашык будиш. — Бѣгёт, бѣгёт... Он по́пил в лу́жыци, он бара́шык з'дѣлалсы. Йѣд^{з}ит барин: «Пра́дай бара́шка». — Нѣт, ни прадам: он брат^{п}иц' мой. Йѣд^{з}ит ба́рин: «Выд^{з}и за миня замуш». Вышла́ на за нево́ за́муш... Кухарка оц'ен' зла́до́бна па йе^{i}ё нинавист(в)ова́лӑ... Алёнушкӯ зарѣзали, пустили в рѣкӯ. На это кухарка гъворит: «Давайти, зарѣжым иво, барашка». А он дагадалсы, пашол к рикѣ и стал крич'ят': «Алёнушка систрицюшка, хӑтят миня, барашка, рѣзат'!» Ана (й)иму атвиц^{ч}яе^{i}т: «Ц^{ч}ижол камин' на дно тянит». Ну, патом барашык пайдёт этӑ ӑт рикѣ унӹвно заплац'ит; апят' атайдёт ат

рики, там апят' к ней этак жă: «Хатят миня барашка рѣзат'». Патом нанял барин рыбаловаф. Йие паймали, паймали (А)лёнушку. Какой-та жывой вадой йие нăпаили и āна ăтжывѣла. Стал выспрашыват' йие, эту сваю барыню-ту. Ана йиму атвѣтила: «Хатѣлăс' этъй кухарки-тā за йиво замуш вытит'». Нă тут барин распрагнѣвалсы на кухарку: йие саслал. Стал с этуй Алёнушкуй жыт'.

Пашли ди°фц'ёнац"ки в лѣс за я́гадăми. А тут паймала (й)их Буерыга взила (й)их, ф сваю избушку приве́'ла. (Ма́хо̤н'ки расказывут). Наварила (й)им каш'и. Адна сё кидала пат сто́л кашу. Енти убе́́гли, адну (й)ие аста́вили. Зăставилъ Буёрыга кац"ят' (й)эту дѣвоц"ку-ту. Ана сё плакала: «Баю, баю, Буерыга!» Выйдит пад уголыше'к и плац'ит. Идёт иш питушок: «Што ты, дѣво̤ц'ка, плац'иш?» — «Миня аставила Буерыга кацят'» — А тут прас'нётць Буерыга апят' йие завёт кац'ят': «Куды ты убе́́гла?»...

(Отъ женщины 45 лѣтъ, съ дѣтства безвыѣздно живущей въ деревнѣ «Цибина»).

Деревня Старково.

Нѣтъ на свѣтѣ хуже птиц
Длиннăхвостъй злой синицы,
Как ф саду рѣ'шил комар.
И влитѣл ф пустой амбар
Там сусыди в у́глѣ тёмнъм
Падă крышеюканька (= под крышей у...).
Падă крышеюканька
Нѣту ф сѣти поука.

Шол па́вин гарою.—
Фсѣ люди за мною,
Аднаво́ тă нѣту.

У нашаюматушки (=у нашей у...)
Печ'ка истóпле^{i}на,
Блины испе^{i}чёны,
Караваĭ сăстря́пан,
Эдакъй шырокой,
Эдакъй высокăй,
Эдăкъй узинькăй,
Эдăкъй низе^{и}нькăй.

Патиря́лă я кале́чкă,
Патиряла́ я любоф'!
Как па (й)этаму кăлечку
Буду плăкат' ден' и ноч'.
Фсѣ я гласки прагли^{е}дѣла
На тибя мой дăрагой!
Када выниш ис кармана́
Мой платочик нăсавой,
Мой платочик оче^{i}н' бѣлай...
Он далёка юлитѣл
За Маскву читы́риста.
Мнѣ па мили^{е}н'ким таска.

Ни вздыхай—ка-с', душа Саша,
Не^{i} вздыхай-ка чижило (чижало).
Взьли тибѣ друшка жалкă,
Забывай скарѣй йиво́.
Забываит миня милăй
Ф чужой дальной сторонѣ.

Фсѣ ланпа́тачки гарят,
А мая пагас(ы)ла.
Всѣ^{я} па парачки сидят,

А я ни саглас(ы)па.
Взагародач'ка чиста,
Частă загарожынă.
Ни ювижу я мило́ва,
Знат' я приваро́жынă.
Ни ятстану ят мило́ва,
Хът' рăдная мат' убей.
Пад акошкăм распашу,
Кус малины пасажу,
Кус малины, кус калины—
Зилён садик раз'виду.

Пад гарой стаит аптека,
Любоф' сушыт чи°лăвĕка.
На гарĕ стаит другая,
За гуля́нье[a] мат' ругала.

Пат сиреднимъ пад акошкŏм
Палей мамин'ка ц'виты.
На маю ба°л'ну гало́фку
Ажыдай бал'шой биды,
Що вин'чал'ныи ц'виты.

(Отъ дѣвочекъ, у которыхъ мачеха Гжельская).

ГЛАВА II.

А. Отношеніе говоровъ Бронницкаго у. къ говорамъ сосѣднимъ съ ними.

Въ Бронницкомъ уѣздѣ мы встрѣчаемся съ тремя группами говоровъ, изъ которыхъ каждая отличается отъ остальныхъ рѣзкими фонетическими чертами. Группу *первую* составляютъ говоры сѣверо-восточной части этого уѣзда (Гжельскій округъ), характеризіеся оканьемъ, цоканьемъ, замѣною *ѣ* (и *е*) черезъ *и*, и *я* черезъ *е*. *Вторая* группа говоровъ занимаетъ восточную часть, центръ и частію югъ уѣзда (Гвоздня, Пятницкій Погостъ, Польщина и др.); въ этой группѣ при цоканьѣ замѣчаемъ сильное аканье съ отчетливымъ произношеніемъ и даже иногда растяженіемъ неударяемыхъ слоговъ, съ шепелявымъ произношеніемъ нѣкоторыхъ согласныхъ, а на югѣ съ мягкимъ *к* (напр. «Ванькя») и мягкимъ *т* въ третьемъ лицѣ глаголовъ. Къ *третьей* группѣ принадлежатъ говоры сѣверо-западной части уѣзда (Раменскій округъ), напоминающіе подмосковные говоры своимъ аканьемъ съ нѣкоторыми слѣдами яканья [1]).

1) Границы, раздѣляющія эти группы говоровъ другъ отъ друга, должны быть проведены слѣдующимъ образомъ (см. прилагаемую при семъ карту): окающая-цокающая группа отдѣлится отъ другихъ, если проведемъ черту между Захаровымъ и Мининымъ, между Дементьевымъ и Кошеровымъ, между Дергаевымъ и Θенинымъ къ деревнѣ Старково, говоръ которой слѣдуетъ считать переходнымъ, и отъ Старкова прямо на востокъ черезъ Молоково и Осташково къ Ильинскому Погосту или немного сѣвернѣе его. Граница между акающими-нецокающими и акающими-цокающими говорами пойдетъ между Загорнымъ и Юровымъ къ городу Бронницамъ.

Объяснить столкновеніе въ Бронницкомъ уѣздѣ столь разнообразныхъ по своимъ звуковымъ особенностямъ говоровъ, т. е. рѣшить вопросъ, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ переселеніемъ, можетъ быть очень позднимъ, нѣсколькихъ деревень изъ разныхъ мѣстностей Россіи въ Бронницкій уѣздъ, или съ старымъ большого размѣра колонизаціоннымъ движеніемъ, мы можемъ лишь путемъ сравненія основныхъ особенностей каждой изъ трехъ группъ говоровъ этого уѣзда съ особенностями говоровъ сосѣднихъ уѣздовъ и вообще мѣстностей, расположенныхъ недалеко отъ Бронницкаго уѣзда.

Сѣверо-восточная окающая-цокающая группа Бронницкаго уѣзда непосредственно примыкаетъ къ говорамъ Богородскаго. Та часть Богородскаго уѣзда, которая граничитъ съ этой окающей-цокающей группой на сѣверѣ, занята говорами окающими-нецокающими. Мы имѣемъ свѣдѣнія объ оканьѣ, по крайней мѣрѣ у стариковъ, въ селеніяхъ Ванисовѣ, Антоновѣ (при вѣроятно новомъ аканьѣ въ Аѳанасовѣ, Степановѣ и Шебановѣ), расположенныхъ по дорогѣ въ Богородскъ [1]), а также извѣстіе, что Московское нарѣчіе начинается лишь отъ Кудинова [2]). Во всѣхъ этихъ деревняхъ наблюдатель не отмѣчаетъ цоканья. Изъ свѣдѣній, собранныхъ мною отъ людей, хорошо знающихъ эти мѣста, видно, что Каменка, Василево и Кудиново, Троицкое и Бутырки, и вообще всѣ деревни, расположенныя въ этомъ направленіи вплоть до Богородска, а также Есино—окаютъ, но не цокаютъ, что отъ Василева къ Москвѣ населеніе акаетъ и говоритъ почти по городскому [3]). Представляютъ ли эти окающіе-нецокающіе говоры старый типъ нецокающихъ говоровъ, какой наблюдаемъ мы, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ Поволожья, или они утеряли цоканье позднѣе, намъ не ясно, такъ какъ мы не знакомы

1) В. И. Чернышевъ, Краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Дмитровск. Богородск. и Егорьевскаго уѣздовъ. Спб. 1900, стр. 4, 6, 7.

2) Тамъ же, стр. 9.

3) Замѣтимъ, что въ этой мѣстности много фабрикъ, населеніе часто бываетъ въ столицѣ и потому не невозможно предполагать, что въ старину оканье подходило еще ближе къ Москвѣ.

съ говорами, граничащими съ ними съ сѣвера и востока. Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ основанія въ настоящее время считать ихъ продолженіемъ цокающихъ говоровъ Гжельскаго округа.

Говоры той части Богородскаго уѣзда, которая граничитъ съ Гжельскимъ округомъ съ востока, повидимому, цокающіе-окающіе. По крайней мѣрѣ я получилъ извѣстіе объ оканьѣ и цоканьѣ въ деревняхъ Шабановѣ, Радованяхъ и Глѣбовѣ. В. И. Чернышевъ сообщаетъ, что въ Загарьѣ окаютъ и цокаютъ [1]). Слѣды оканья (при цоканьѣ) указаны В. И. Чернышевымъ во Внуковѣ Ильинской волости, Беззубовѣ Беззубовской волости и Бузятахъ [2]), гдѣ отмѣчено также сильное аканье, гдѣ, стало быть, цокающій-окающій говоръ уже переходитъ въ цокающій-акающій.

Недалеко отъ деревень Глѣбово и Радовани расположено селеніе Дулёво, въ которомъ, по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, наблюдается цоканье и оканье. Съ этой деревнею мы переходимъ въ Покровскій уѣздъ Владимірской губерніи. Въ Воронцовской волости [3]) этого уѣзда отмѣчено цоканье, оканье, *у* вмѣсто *о*, стяженіе гласныхъ и нѣсколько другихъ особенностей, сходныхъ съ особенностями разсматриваемой Гжельской группы говоровъ [4]). О цоканьѣ и оканьѣ отдѣльныхъ селеній другихъ уѣздовъ Владимірской губерніи мы имѣемъ нѣсколько свѣдѣній въ Опытѣ діалектологіи профессора А. И. Соболевскаго [5]) (Ковровскій уѣздъ; правый берегъ Оки въ Муромскомъ уѣздѣ; сѣверо-восточная часть Меленковскаго у.; с. Бережекъ, въ 25 в. отъ Юрьева, Юрьевскаго у.).

Въ ненапечатанныхъ еще отвѣтахъ на программы отдѣленія русскаго языка и словесности, любезно предоставленныхъ мнѣ академикомъ А. А. Шахматовымъ, которому считаю долгомъ

1) В. И. Чернышевъ, op. cit, стр. 14.

2) op. cit., стр. 10, 13, 19.

3) Извѣстія отд. Русск. яз. и словесн. 1896, кн. 2; А. И. Соболевскій, Опытъ Русской діалектологіи, стр. 57.

4) Но есть и отличія: мягкое *к* (въ «Ванькя»), формы: жготъ, пекóтъ.

5) Стр. 36, 57.

изъявить за это глубочайшую благодарность, указано оканье и цоканье въ окрестностяхъ города Мурома [1]), въ селѣ Илькино, Меленковскаго уѣзда [2]) и наконецъ, въ Покровскомъ уѣздѣ, что подтверждаетъ выше приведенныя свѣдѣнія изъ Воронцовской волости этого уѣзда [3]). Тѣ же особенности имѣются въ описаніи говора села Нижній Ландихъ и всей залѣсской стороны Гороховецкаго уѣзда, любезно сообщенномъ мнѣ учительницей Раменской школы М. А. Автократовой, которая изучала въ тѣхъ мѣстахъ народные говоры.

Наконецъ въ одной изъ не напечатанныхъ программъ Отдѣл. р. яз. и сл. Импер. Ак. Н. [4]) находимъ описаніе говора сѣверной части Егорьевскаго у. Рязанской губ., рядомъ съ Покровскимъ (село Васютино и окрестности), гдѣ имѣемъ оканье и цоканье; объ оканьѣ въ той же сѣверной части уѣзда (Лузгаринская и Краснинская волости) есть извѣстіе у В. И. Чернышева [5]).

Приведенные факты, сближая сѣверную группу говоровъ Бронницкаго уѣзда со многими говорами Владимірской губерніи указываютъ, повидимому, на колонизаціонное движеніе окающаго-цокающаго сѣверно-русскаго племени, преимущественно по рѣкамъ Окѣ и Клязьмѣ и ихъ притокамъ. Конечнымъ пунктомъ этого движенія на юго-западѣ могла быть мѣстность, называемая въ настоящее время Гжель и расположенная въ 40 слишкомъ верстахъ отъ Москвы, если только граница окающихъ-цокающихъ и акающихъ поселеній въ настоящее время таже, что была и въ старину.

Отличія другъ отъ друга въ нѣкоторыхъ звуковыхъ чертахъ говоровъ окающихъ-цокающихъ Московской и Владимірской губерній насъ смущать не должны: нѣкоторыя фонетическія особенности колонисты могли пріобрѣсти позднѣе на новыхъ

---

1) Программа г. Пѣвницкаго.
2) Программа г. Побѣдоносцева.
3) Программа г. Муханова.
4) Программа г. Орлина.
5) Тамъ же, стр. 20.

мѣстахъ, да и сама колонизація могла направляться въ разное время, изъ разныхъ мѣстъ родины цокающихъ поселеній. Точнѣе опредѣлить отношеніе этихъ говоровъ другъ къ другу мы будемъ въ состояніи лишь тогда, когда будемъ имѣть подробное описаніе говоровъ Владимірской и восточной части Московской губерній.

Восточная, акающая-цокающая группа говоровъ Бронницкаго уѣзда поражаетъ насъ своимъ сходствомъ въ очень многихъ звуковыхъ чертахъ съ говорами Касимовскаго уѣзда[1]). Какъ въ восточной части Бронницкаго уѣзда, такъ и въ Касимовскомъ отмѣчено: 1) аканье (хотя въ Касимовскомъ большее, повидимому, количество случаевъ яканья [2])); 2) *у* вмѣсто *о* въ словахъ «Михайлуй», «артелюй», «хуть» и др. [3]); 3) разнообразные случаи стяженія гласныхъ: называ́тца (3 л. ед. ч.), мы зна́м, изба бальша̄, маму́, паднаму́, завра́гомъ и пр. [4]); 4) характерное растяженіе гласныхъ (до́бра̄й)[5]); 5) цоканье и чёканье съ звуками средними между *ц* и *ч* (ц^{ч} отмѣченъ въ говорахъ Касимовскихъ [6]), расположенныхъ на сѣверѣ уѣзда, т. е. возлѣ границы Владимірской губерніи, какъ и восточная группа Бронницкаго у. 6) шепелявость согласныхъ[7]) (также отмѣченная въ Касимовск. у. преимущественно недалеко отъ Владимірской губ.); 7) мягкость согласныхъ передъ суф. *ьск.* [8]); 8) мягкость *жж* (впрочемъ при *жж* твердыхъ) и *шш* при *шш* твердыхъ [9]); 9) характерное отпаденіе звуковъ *б* и *в* (си = вси, сё-таки, тея́ [10]); 10) звонкое *г*; въ Касимовскомъ уѣздѣ эта особенность распространена также

---

1) Проф. Е. А. Будде, «Къ исторіи великорусскихъ говоровъ». Казань 1896.

2) Тамъ же, Учен. Зап. Имп. Каз. Университета, 1896, №№ 4—12. Учен. Записки Имп. Каз. Унив. 1896 №№ 6 и 7 стр 138, 139 сл.

3) Тамъ же, № 7, стр. 185 сл.

4) Тамъ же, № 7, стр. 130 сл.; № 5, стр. 213, 214; № 10, 152; № 7, стр. 197.

5) Тамъ же, № 5, стр. 214.

6) Тамъ же, № 8, стр. 141 сл.

7) Тамъ же, № 8, стр. 152. сл., 181 сл.

8) Тамъ же, № 8, стр. 155 сл.

9) Тамъ же, № 8, стр. 158—159 сл.

10) Тамъ же, № 8, стр. 183 сл.

на сѣверѣ, у границы Владимірской губ. [1]); 11) мягкость конечныхъ губныхъ (семь) [2]); характерныя формы: *ее*, въ Тульскимъ лясу [3]); 13) *т* твердое въ 3 лицѣ глаголовъ (въ томъ же сѣверномъ районѣ) [4]); 14) разнообразіе формъ возвратн. залога на *ся*, *са*, *ца*, *си*, *сы*, *цы* и т. д. [5]); 15) мѣстоименіе що и щчо [6]) и т. п. Но при такомъ поразительномъ сходствѣ мы находимъ и нѣкоторыя отличія. Въ Касимовскихъ говорахъ наблюдается мѣна *у* и *в* и неслоговое ў [7]), ѣ=и [8]), я=е [9]) и дифтонги [10]), чего я въ Бронницкихъ акающихъ-цокающихъ говорахъ ни разу не отмѣтилъ. Равнымъ образомъ въ Бронницкихъ говорахъ встрѣчается *у* вм. *о* въ началѣ слова въ третьемъ отъ ударенія слогѣ въ большомъ количествѣ примѣровъ, чего въ Касимовскихъ говорахъ, повидимому, не наблюдается.

Говоры восточной части Бронницкаго уѣзда отдѣлены отъ разсмотрѣнныхъ сейчасъ говоровъ Касимовскихъ говорами Егорьевскаго уѣзда, очень сходными по звуковымъ чертамъ съ Бронницкими. Проф. Е. А. Будде отмѣтилъ цоканье въ Егорьевскомъ уѣздѣ еще въ 1892 г. [11]). Есть основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ, большинство говоровъ этого уѣзда акаетъ и цокаетъ: сѣверная граница акающихъ цокающихъ поселеній проходитъ то по Богородскому уѣзду (прямо къ сѣверу отъ Егорьевскаго) [12]),

---

1) Тамъ же, № 10, стр. 131 сл.

2) Тамъ же, № 8, стр. 195 сл.

3) Тамъ же, № 7, стр. 177.

4) Тамъ же, № 8, стр. 165.

5) Тамъ же, № 7, стр. 155 сл., а равно въ многочисленныхъ примѣрахъ, разсѣянныхъ по всему изслѣдованію.

6) Тамъ же, № 8, стр. 160.

7) Тамъ же, № 8, стр. 168 сл.

8) Тамъ же, № 7, стр. 175.

9) Тамъ же, № 7, стр. 181 сл.

10) Тамъ же, № 5, стр. 219 сл.

11) Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей Рязанскаго говора, стр. 82—83.

12) В. И. Чернышевъ (тамъ же, стр. 10 сл.) указываетъ на смѣшеніе элементовъ аканья и оканья (при цоканьѣ) въ мѣстахъ около Ильинскаго Погоста Богородскаго уѣзда, почему окающія поселенія мы выше предполагали, сѣвернѣе этой мѣстности.

то по самому сѣверу Егорьевскаго[1]). В. И. Чернышевъ сообщаетъ свѣдѣніе о цоканьѣ и аканьѣ одной мѣстности южной части этого уѣзда (село Починки Починкинской волости и близкія къ нему мѣста)[2]). Г. Филатовъ любезно сообщилъ мнѣ о цоканьѣ нѣсколькихъ селеній этого уѣзда вблизи Харлова (въ сѣверо-зап. части уѣзда). Въ звуковомъ отношеніи говоры Егорьевскаго уѣзда представляютъ середину между говорами восточной части Бронницкаго и Касимовскаго уѣздовъ: въ Егорьевскомъ, какъ и въ Бронницкомъ, но въ противуположность Касимовскому, нѣтъ мѣны *у* и *в*[3]), за то въ одномъ мѣстѣ Егорьевскаго, какъ въ Касимовскомъ, и въ противуположность Бронницкому есть дифтонгъ *ӯо*[4]).

Указанные факты, по моему мнѣнію, ставятъ въ самую тѣсную связь говоры восточной части Бронницкаго уѣзда съ Касимовскими.

Акающіе-цокающіе говоры по нашему мнѣнію слѣдуетъ считать результатомъ смѣшенія акающихъ-нецокающихъ (южновелико-русскихъ) съ окающими-цокающими (сѣверно-великорусскими) говорами. Такъ какъ Бронницкіе акающіе-цокающіе говоры граничатъ съ одной стороны (на сѣверѣ) съ окающими Гжельскими и съ другой стороны (на югѣ) съ акающими-нецокающими говорами Коломенскаго уѣзда, то, казалось бы, можно предполагать, что это смѣшеніе произошло, между прочимъ и въ Бронницкомъ уѣздѣ, какъ оно происходило по границѣ сѣверно и южно-великорусскихъ поселеній къ югу отъ Владимірской губерніи въ уѣздахъ Егорьевскомъ и Касимовскомъ. Но такое предположеніе было бы едва-ли справедливо.

Акающіе-цокающіе говоры Бронницкаго уѣзда вовсе не

---

1) Г. Орлинъ въ цитованной выше программѣ указываетъ на аканье въ деревняхъ Старая, Кузнецова, Бекетова, при чемъ описываетъ окающія поселенія въ деревняхъ, расположенныхъ на сѣверъ отъ указанныхъ, вблизи отъ нихъ.

2) Тамъ же, стр. 20.

3) В. И. Чернышевъ, стр. 20.

4) Программа г. Орлина.

имѣютъ *е* вм. *я* и *и* вм. *ѣ*, между тѣмъ какъ въ расположенныхъ съ ними рядомъ окающихъ - цокающихъ говорахъ Гжельскаго округа эти особенности отмѣчены мною неоднократно. Припомнимъ теперь, что обѣ особенности наблюдались проф. Будде въ говорахъ Касимовскаго уѣзда очень сходныхъ съ акающими-цокающими говорами Бронницкаго и при томъ записаны имъ даже въ такихъ мѣстахъ этого уѣзда, которыя расположены иногда значительно далѣе отъ окающихъ поселеній, чѣмъ акающіе - цокающіе говоры Бронницкаго уѣзда. Въ виду всего этого предполагать въ Бронницкомъ уѣздѣ такое же смѣшеніе говоровъ, какъ и въ Касимовскомъ дѣлается затруднительнымъ, и для объясненія существованія въ Бронницкомъ уѣздѣ акающаго - цокающаго говора вѣроятнѣе предположить колонизаціонное движеніе акающихъ - цокающихъ поселеній съ востока въ Бронницкій уѣздъ [1]). Эти говоры мало по малу при своемъ движеніи могли утерять двѣ указанныя особенности (*ѣ=и*; *я=е*), какъ утеряли дифтонги. При предположеніи этого движенія намъ станетъ особенно понятною тѣсная связь восточной группы Бронницкихъ говоровъ съ сѣверными говорами Касимовскаго уѣзда и слишкомъ рѣзкое въ нѣкоторыхъ чертахъ отличіе ихъ отъ сосѣднихъ Гжельскихъ говоровъ, въ которыхъ мы не найдемъ вовсе слѣдовъ шепелявости, произношенія *хут'* вм. *хот'*, мѣстоим. щчо.

Говоръ Раменскаго округа, съ обиліемъ гласныхъ неполнаго образованія, съ незначительными слѣдами яканья, представляетъ тотъ типъ говоровъ, которые подходятъ къ Москвѣ съ южной

---

1) Распространеніе акающихъ - цокающихъ поселеній на западъ можетъ быть подтвердилось-бы изученіемъ говора западной части Бронницкаго уѣзда. Мы знаемъ о цоканьѣ деревень въ окрестностяхъ Бронницъ (одна изъ не напечатанныхъ программъ Отд. русск. яз. и слов.).

Если цоканье идетъ еще дальше, то предположенное движеніе можно считать доказаннымъ, такъ какъ селенія къ западу отъ Бронницъ никакимъ образомъ уже не подходятъ къ окающимъ селеніямъ, наоборотъ, къ сѣверу отъ Бронницъ находимъ подмосковный говоръ въ такихъ старыхъ селеніяхъ, какъ Софьино, Заболотье, Клишева и др.

стороны[1]). Къ сѣверо-западу и западу отъ Раменскаго, повидимому, тотъ-же говоръ; по крайней мѣрѣ учитель Раменской школы П. И. Смирновъ любезно сообщилъ мнѣ, что въ Софьинѣ, Чулковѣ, Заозерьѣ и Мячиковѣ говоръ ничѣмъ не отличается отъ Раменскаго. Тоже приходилось мнѣ слышать и о Быковѣ. Къ сожалѣнію говоры Подольскаго уѣзда намъ неизвѣстны.

Вопросъ о появленіи этой группы говоровъ въ Бронницкомъ уѣздѣ слѣдуетъ рѣшать вмѣстѣ съ сложнымъ вопросомъ о происхожденіи акающихъ говоровъ Московской губерніи и губерній съ ней смежныхъ на югѣ.

Б. Вліяніе говоровъ Бронницкаго у. другъ на друга.

При описаніи говоровъ Бронницкаго уѣзда намъ нерѣдко приходилось указывать на элементы оканья въ акающихъ группахъ говоровъ и на случаи сильнаго аканья въ акающей Гжельской группѣ. Подобнаго рода разнообразіе въ произношеніи звуковъ я слышалъ не только отъ разныхъ лицъ одной и той же деревни, но замѣчалъ и въ говорѣ одного и того же лица. Такъ старикъ 76 л. въ Дворниковѣ говорилъ *пачому* и *ничāвɔ̀*; старуха въ Григоровѣ *ницёвɔ̀* и *ницявɔ̀*; старикъ изъ д. Юрасово — *атцявɔ̀* и *ницёвɔ̀*; старуха изъ Новомарьинки *цирнабровай* и *цирнаглазой*, старикъ 92 л. въ Старковѣ сказалъ *прошла* и *аднаму* и пр.

Подобное колебаніе звуковъ въ однихъ и тѣхъ же фонетическихъ условіяхъ наблюдается вообще при встрѣчѣ отличныхъ другъ отъ друга говоровъ и свидѣтельствуетъ о вліяніи разныхъ группъ говоровъ одной на другую[2]).

---

1) Чистый типъ умѣренно акающихъ говоровъ, на югѣ отъ Москвы извѣстенъ, повидимому, только въ мѣстахъ очень близкихъ къ городу или гдѣ вліяніе его особенно сильно.

2) Такой смѣшенный характеръ говоровъ наблюдается напр., на сѣверѣ Московскаго у.: В. И. Чернышевъ свѣдѣнія о нар. гов. Моск. уѣзда, стр. 32, 37 и 72.

Для опредѣленія степени этого вліянія въ Бронницкомъ у., а также для уясненія первоначальнаго звукового состава каждой изъ трехъ группъ говоровъ этого уѣзда, до столкновенія ихъ въ данной мѣстности, необходимо сличить фонетическія особенности каждой изъ указанныхъ группъ съ особенностями сосѣднихъ сходныхъ съ ними говоровъ, которые служатъ какъ бы продолженіемъ каждой группы, но, отстоя дальше отъ мѣста встрѣчи, не подвергаются и не подвергались вліянію другихъ группъ.

Такъ какъ мы не располагаемъ достаточнымъ количествомъ матеріала для подобнаго сличенія, то принуждены ограничиться немногими звуковыми сопоставленіями, которыя могутъ имѣть лишь нѣкоторое методологическое значеніе.

1. Иногда звукъ *о* (какъ исключеніе и *а*) замѣняется, какъ мы видѣли во всѣхъ Бронницкихъ говорахъ черезъ *у*. Случаи этого рода я дѣлю на 2 категоріи: *у* вмѣсто *о* а) въ началѣ слова въ третьемъ слогѣ отъ ударенія (*удново́*, *упозда́лъ*), и б) въ остальныхъ звуковыхъ сочетаніяхъ: *супоги́*, *хуть*, *хушь*, *пужжя́йти*, *э́туй*, *куде́люй* и пр.

Въ окающихъ Бронницкихъ говорахъ мною записано весьма много случаевъ первой категоріи, хотя изрѣдка я встрѣчалъ *одново́*, *отпровляет*. Случаи второй категоріи въ этой группѣ проведены не столь послѣдовательно, а именно, при обычномъ тв. ед. на *уй* я слышалъ нерѣдко: *сопоги*, *сомовар* и постоянно: *хот'*, *хош'*. Въ недалеко расположенномъ отъ Гжели Покровскомъ уѣздѣ[1]) наблюдатель, описывая говоръ, во многихъ чертахъ сходный съ нашимъ, упоминаетъ замѣну *о* черезъ *у* лишь въ словахъ: *удѣя́ло*, утопри́, укуну́с', угоро́т, угуре́ц, уброза́ (*вы́мую* отношу къ морфологіи), т. е., приводя рядъ примѣровъ первой категоріи, не даетъ ни одного случая второй, наоборотъ указываетъ на сходное съ Гжельскимъ: сопоги́. Въ окающихъ же, но только болѣе сѣверныхъ говорахъ Московскаго уѣзда В. И. Чернышевъ отмѣчаетъ *у* вмѣсто *о* лишь въ начальномъ третьемъ отъ ударенія

1) Извѣстія Отд. р. яз. и сл. Имп. Ак. Н. 1896, кн. 2, стр. 339—340.

слогѣ [1]), а въ сосѣднихъ съ этимъ окающимъ, акающихъ говорахъ отмѣчаетъ уже не послѣдовательную замѣну *о* черезъ *у* въ какихъ либо звуковыхъ сочетаніяхъ, но замѣну лишь въ нѣсколькихъ словахъ, при чемъ изъ случаевъ первой категоріи приводится *у* вмѣсто *о* всего въ одномъ словѣ [2]) — *у*гарот и произведенныхъ отъ него. Тотъ же изслѣдователь приводитъ исключительно случаи первой категоріи въ окающемъ говорѣ д. Ванисово Богор. у. [3]). Въ другихъ окающихъ говорахъ случаи первой категоріи обычны и нерѣдко приводятся лишь они одни [4]).

Въ акающей-цокающей группѣ Бронницкихъ говоровъ случаи первой категоріи не слышались послѣдовательно; нерѣдко звучало отчетливое протяжное *а*: *атвицáит*, *атцявó*, *аддана́*, *атдава́ли*, *атпили́ли* и др. Случаи второй категоріи здѣсь обычны, притомъ между ними встрѣчаются примѣры: *хуш'* и *хут'* (вмѣсто *хоть* и *хош*) съ яснымъ опредѣленнымъ *у*, и *у* въ словахъ *пужжа́йти*, *пу̏ма́ли*, чего въ другихъ группахъ ни разу я не слыхалъ. Въ тѣсно связанныхъ по происхожденію съ этой группой—говорахъ Касимовскихъ, мы замѣчаемъ *у* вм. *о* кромѣ случаевъ въ тв. ед. ж. р. еще: *патсýлнушкахъ*, *пума́ши*, *до́хтур*, пул'шуба́к, пýлцаса́, кул' (= около), хут' (энклит.) и вовсе не отмѣчено случаевъ первой категоріи [5]).

---

1) В. И. Чернышевъ, «Свѣдѣнія о народныхъ говорахъ селеній Московскаго уѣзда, расположенныхъ въ верховьяхъ рѣки Клязьмы (Дурыкинская и Озерецкая волости)», стр. 72, 75.

2) В. И. Чернышевъ, тамъ же, стр. 7, 40.

3) Чернышевъ, Краткія свѣдѣнія etc., стр. 4.

4) Указаніе на тотъ фактъ, что это явленіе встрѣчается во многихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, находимъ у проф. П. А. Богородицкаго въ «Изслѣдованіи говора деревни Бѣлой». Казань, 1900 г., стр. 17, причемъ изслѣдователь видитъ здѣсь мѣну преффиксовъ *у* и *о*, что представляется весьма вѣроятнымъ хотя явленіе аналогіи можетъ поддерживаться фонетическимъ процессомъ: мы имѣемъ *упарóть* но не знаемъ случаевъ въ родѣ *осталъ* вм. *усталъ*.

5) Е. А. Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Учен. Зап. Имп. Казан. Унив. 1896 кн. 6 и 7, стр. 186: «Вообще въ нашихъ говорахъ мы не замѣчаемъ закрытаго *о* въ 3-мъ слогѣ отъ ударяемаго». Согласно съ этимъ въ фонетическомъ сочетаніи первой группы мы находимъ въ указанномъ сочиненіи постоянно примѣры съ *а* вм. нашего *у*: адява́ла стр. 171; аддава́ли, аддадуть, ăддають. Зап. 1896 кн. 12, стр. 87 и 91 и др.

Въ Егорьевскомъ у. (село Ефремовское) записано: хуть, супаги́, кубаки́, Гоуспо́д', о́чюн и случаевъ первой категоріи не отмѣчено [1]).

Въ говорахъ Бронницкаго уѣзда акающихъ-нецокающихъ отмѣчено: утапри́, зупазда́л, равно какъ и твор. ед. ж. р. на *уй* и случаи въ родѣ «супаги́». Говоры, служащіе продолженіемъ этой группы на западъ и югъ, къ сожалѣнію намъ неизвѣстны; изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ свѣдѣнія скудны. Въ деревнѣ Парфенкахъ Рузскаго уѣзда наблюдатель отмѣчаетъ: кумаха́, чубата́ми, тубаре́тка, шту́п, хут', мажуче́к [2]); ни твор. на *уй*, ни словъ первой категоріи здѣсь не приводится. Въ акающихъ нецокающихъ говорахъ Рязанской губерніи, сосѣдней съ Московскою, отмѣчено *у* вм. *о* лишь въ нѣкоторыхъ словахъ (до́хтур, куравóды); здѣсь, повидимому, нѣтъ формы тв. е. ж. р. на *уй*, такъ какъ наблюдатель эту форму относитъ спеціально къ цокающему Касимовскому уѣзду, а равно и словъ первой категоріи вовсе не приводится [3]). Вообще *у* вм. *о* въ акающихъ говорахъ въ примѣрахъ первой категоріи встрѣчается, повидимому, рѣже, чѣмъ въ окающихъ. Акад. А. А. Шахматовъ въ изслѣдованіи объ Ельнинскихъ и Мосальскихъ говорахъ [4]), приводя много примѣровъ этой замѣны въ другихъ фонетическихъ сочетаніяхъ, указываетъ на «рѣдкіе случаи, гдѣ начальное *о* замѣняется черезъ *у*». Въ описаніи г. Никольскаго народныхъ говоровъ Жиздринскаго уѣзда Калужской губ. [5]) вовсе нѣтъ случевъ первой категоріи, наоборотъ отмѣчается: ăднавó, абламúлся, равно нѣтъ и тв. п. на *уй*, между тѣмъ какъ записаны: хýть, пупадья́ и пр. Въ Мещовскомъ говорѣ находимъ нѣсколько случаевъ первой категоріи (узнóбъ, унадысь, убамакаютъ) [6]), при

1) Тамъ же, стр. 15.

2) Дурново, Описаніе говора деревни Парфёнокъ Рузскаго уѣзда. Русск. Фил. Вѣстн.

3) Будде, «Къ діалектологіи великорусскихъ говоровъ».

4) Русск. Филолог. Вѣстникъ 1896, №№ 3 и 4.

5) Русск. Фил. Вѣстн. 1901 и 1902.

6) В. И. Чернышевъ, Дополненія къ свѣдѣн. о говорѣ Мещовска, стр. 3.

бо̀льшемъ количествѣ случаевъ второй категоріи. Акающихъ говоровъ, въ которыхъ бы замѣнялось *о* черезъ *у исключительно* въ началѣ слова мы не знаемъ[1]).

Всѣ эти факты вмѣстѣ взятые на нашъ взглядъ заставляютъ предполагать, что замѣна *о* черезъ *у* въ началѣ словъ въ Бронницкомъ уѣздѣ по преимуществу, по крайней мѣрѣ, была извѣстна Гжельской группѣ и потомъ распространилась на остальныя, а замѣна *о* черезъ *у* въ случаяхъ второй категоріи была свойственна первоначально акающимъ говорамъ. Но точнѣе опредѣлить, какая изъ акающихъ группъ по преимуществу имѣла эту особенность и въ какихъ именно случаяхъ, мы за недостаткомъ матеріала предполагать затрудняемся, тѣмъ болѣе, что нецокающая группа говоровъ, особенно подверженная, какъ увидимъ, вліянію говора гор. Москвы, могла утерять въ нѣкоторыхъ случаяхъ старыя особенности.

2. Какъ окающіе, такъ и акающіе-цокающіе говоры Бронницк. у. имѣютъ форму род.-вин.-п. ед. ч. ж. р. мѣст. *ее (яе)*, вм. нашего *её*. Особенность эта распространена по преимуществу въ акающихъ говорахъ[2]) и только какъ исключеніе наблюдается въ окающихъ. Въ акающихъ-цокающихъ говорахъ Касимовскаго у., описанныхъ проф. Е. А. Будде отмѣчена эта особенность въ селѣ Меркуловѣ Касимовск. у.[4]). Въ говорахъ Владимірск. губ. окающихъ-цокающихъ мы знаемъ только форму *её*. Эта форма отмѣчена въ Покровскомъ у. (Воронцовская волость, деревня Арханино), въ Муромскомъ у.[5]). село Вача и

1) Ср. А. А. Шахматовъ. Русское и словенское оканіе. Сборникъ статей, посвященныхъ учениками и почитателями. Р. Ѳ. Фортунатову. Варшава, 1902, стр. 64. Здѣсь указывается *у* вм. *о* въ начальномъ слогѣ лишь «въ тѣхъ говорахъ, гдѣ извѣстно измѣненіе *а* подъ вліяніемъ губныхъ въ *у*».

2) Изъ говоровъ Тульской и Рязанской губ., ближайшихъ съ юга къ Бронниц. у., эта форма отмѣчена у А. И. Соболевскаго, тамъ же, стр. 20, и Будде, Къ діалектологіи великор. нарѣчій, стр. 50 (о Михайл. и Скоп. у.).

3) «Къ исторіи великорусск. говоровъ», стр. 92.

4) Извѣстія Отд. Р. яз. и сл. 1896, кн. 2. Ср. тоже въ программѣ г. Муханова.

5) Программы проф. Пѣвницкаго и г. Ремизова цитованныя выше.

окрестности Мурома), въ Меленковскомъ у.[1]). (село Илькино) и въ Гороховецкомъ у. село Нижній Ландихъ[2]). Впрочемъ указанная форма довольно далеко распространена на сѣверъ отъ Гжели. Въ Антоновѣ Богор. у. В. И. Чернышевъ отмѣтилъ ее. Однако въ Ванисовѣ тотъ же наблюдатель записалъ въ «неё»[3]).

Приведенные факты позволяютъ, кажется, сдѣлать заключеніе, что въ Бронницк. у. форма *ее* первоначально принадлежала акающимъ-цокающимъ говорамъ, и потомъ передалась окающимъ. Совершенное отсутствіе ея въ умѣренно-акающихъ говорахъ Раменскаго округа, вѣроятно, объясняется очень сильнымъ вліяніемъ на говоръ этой мѣстности языка бывалыхъ людей (см. ниже).

3. Въ окающей и акающей-цокающей группахъ Бронницкихъ говоровъ отмѣченъ былъ въ большомъ количествѣ примѣровъ пропускъ звуковъ *б* и *в* или между гласными (*ба́ушка*, *дъ́уша*, *пра̄*, *тія*, *тее*), или передъ согласными, преимущественно, повидимому, передъ шипящими и свистящими (*сё*, *сётаки*, *вороства́*, *Мика́лаис'кай*, *про́ти часо́вни*), при чемъ въ акающихъ-цокающихъ говорахъ случаевъ послѣдней категоріи отмѣчено гораздо больше, чѣмъ въ окающей. Обычный въ каждой деревнѣ и записанный въ очень большомъ количествѣ случаевъ, этотъ пропускъ такимъ образомъ является рѣзкой отличительной чертой двухъ группъ Бронницкихъ говоровъ отъ третьей.

Повидимому, еще въ большемъ числѣ случаевъ опускаются *б* и *в* въ Касимовскихъ говорахъ, по крайней мѣрѣ отмѣчено тамъ: *тае*, *дъ́уша*, *пра*; даже *деи́ть*, *ка́о*, *милоо*; *Москоско́й*, *сё*; даже *любой* и пр.[4]). Въ Егорьевскомъ уѣздѣ: *ахремиськи*, *карьми́ськіе*, *тее́*, *се́е*, *у тея́* (Ефремовское)[5]); *сея*, *тея́*, *тее*, *сее* (окрест-

1) Программа г. Побѣдоносцева.

2) Изъ доставленнаго намъ описанія М. А. Автократовой.

3) В. И. Чернышевъ, Краткія свѣдѣнія... стр. 9, 5. Можетъ быть, впрочемъ, здѣсь вліяніе языка образованнаго русск. общества.

4) Будде, Къ исторіи великорусск. говор., стр. 161 — 166, 199. Его же, Къ діалектологіи великор. нарѣчій, стр. 63, 90.

5) В. И. Чернышевъ, «Краткія свѣдѣнія», стр. 16—18.

ности Егорьевска)[1]). У границъ Егорьевскаго у. въ уѣздѣ Богородскомъ (тоже акающія-цокающія поселенія) — *сё* (Внуково), *тее, сее* (Беззубово)[2]).

Въ сосѣднихъ съ Гжельскою группою окающихъ говорахъ Богородскаго уѣзда отмѣчено *сё*, *Москоскава*, *балоствó*, *тея*, *сея* (Ванисово); стрѣтило (Антоново)[3]).

Въ окающихъ говорахъ Владимірской губерніи этотъ пропускъ извѣстенъ преимущественно между двумя гласными: *баушка*, *дъушка*, *тея*, *сея*, *сее* — въ Ковровскомъ уѣздѣ[4]); *тея*, *тее*—въ Вязниковскомъ[5]); *тея*, *тее*, *сея*, *сее*, *баушка*, *галоушка*, *дъушка* — въ Гороховецкомъ (село Нижній Ландгихъ и вся залѣсная сторона)[6]); *тея*, *тее*, *сея*, *сее*, *прā*, *дъушка*, *баушка*—въ окрестностяхъ Мурома, также въ селѣ Вача Муромск. у.[7]); *дъушка*, *баушка*, *тея*, *тее*—въ селѣ Илькинѣ Меленковскаго у.[8]); *тея*—въ селѣ Петровскомъ Переяславскаго у.[9]).

На сѣверѣ Московской губерніи, повидимому, это явленіе также встрѣчается: *богуслоской*, *челэк*—въ Тальникахъ Дмитровскаго уѣзда[10]); *проти*—въ Озерецкомъ Московскаго у.[11]). Отмѣтимъ кстати, что въ сосѣднемъ съ говоромъ Озерецкаго акающемъ говорѣ Харугина записано: *маскоскай*, *варатво*, *проти*, *сё*[12]).

Въ говорахъ акающихъ Тульской губерніи опущеніе *б* и *в*

---

1) Тамъ же, стр. 20.
2) Тамъ же, стр. 14, 11.
3) Тамъ же, стр. 5, 6, 8.
4) А. И. Соболевскій, Опытъ русск. діалектологіи, стр. 36.
5) Тамъ же, стр. 37.
6) Въ присланномъ намъ описаніи М. А. Автократовой.
7) Программы проф. Пѣвницкаго и г. Ремизова. Ср. Соболевскій, тамъ же, стр. 57.
8) Программа г. Побѣдоносцева. Ср. Соболевскій, тамъ же, стр. 57.
9) Соболевскій, тамъ же, стр. 104.
10) В. И. Чернышевъ, Кратк. свѣдѣнія, стр. 2.
11) Его-же, Свѣдѣнія о народн. говор. Московск. у., стр. 81.
12) Тамъ же, стр. 52—53. Упомяну, что въ пригородныхъ Московск. говорахъ и даже въ говорѣ старыхъ Москвичей-горожанъ я неоднократно отмѣчалъ: баушка, дѣушка.

между гласными, повидимому, сравнительно болѣе рѣдкое явленіе. Въ Тульскомъ уѣздѣ неоднократно отмѣчено: *тибя*, *тибъ*, *табъ*[1]); въ Епифановскомъ уѣздѣ записано: *бабушка*, *дѣвушка*, *къ тебъ*, *у тебъ*[2]); въ Крапивницкомъ у.: *бабушка*, *дѣвушка*, *табе*, *сабе*[3]). Лишь въ Ефремовскомъ у. отмѣчено *баушка*, *дѣушка*, при: *тебя*, *табе*, *сабе*[4]); да въ Новосильскомъ—*тае*, *сае*[5]).

Нецокающіе говоры Рязанской губерніи, повидимому, болѣе сходны въ этомъ отношеніи съ Тульскими, чѣмъ съ Владимірскими. Проф. Е. А. Будде[6]), отмѣчая опущеніе *в* въ словахъ: прати, супрати, пра, въ разныхъ нецокающихъ уѣздахъ этой губерніи, какъ бы противупоставляетъ имъ Касимовскій говоръ съ его: *дѣушка*, *баушка*, *Маскоскай*, *сё* и т. д.

Къ сожалѣнію мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній объ опущеніи *в* передъ согласными въ акающихъ-нецокающихъ говорахъ указанныхъ губерній.

Приведенные факты, кажется, позволяютъ догадываться, что опущеніе губныхъ свойственно было какъ окающей, сѣверной группѣ говоровъ Бронницк. уѣзда, такъ и восточной, акающей, но, можетъ быть, не въ одинаковой степени и не въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ.

Особенно большое число случаевъ этого явленія въ акающецокающей группѣ говоровъ, расположенныхъ въ бассейнѣ Оки, объясняется между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Касимовская группа говоровъ, а равно и Бронницкая представляютъ результатъ сліянія двухъ группъ (окающей-цокающей и акающей-нецокающей), изъ которыхъ каждая имѣла порядочное число случаевъ этого опущенія.

---

1) Соболевскій, стр. 16.

2) Программа г. Мокѣева.

3) Программа г. Благовѣщенскаго, № 85.

4) Программа его-же, № 174.

5) Соболевскій, стр. 17.

6) Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій, стр. 63; ср. Соболевскій, тамъ же, стр. 19—21.

Какъ бы то ни было, взаимное вліяніе трехъ группъ говоровъ Бронницкаго уѣзда несомнѣнно, и мы можемъ даже до извѣстной степени прослѣдить, какимъ путемъ въ настоящее время различныя группы говоровъ Бронницкаго у. вліяютъ другъ на друга и по аналогіи догадываться о прошедшемъ.

По моему мнѣнію, самое большое значеніе въ этомъ отношеніи слѣдуетъ приписывать тому обстоятельству, что въ домъ берутъ снохъ нерѣдко изъ деревень, гдѣ говорятъ иначе.

Вліяніе говора матери на говоръ дѣтей, которое особенно сильно въ періодъ образованія у дѣтей языка, конечно должно оставлять послѣдствія на всю жизнь, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда вліяніе говора городского и моднаго фабричнаго не сильно. И если при изученіи звуковыхъ и формальныхъ измѣненій въ языкѣ нѣкоторые изслѣдователи придаютъ большое значеніе порѣ усвоенія дѣтьми языка и описываютъ съ этой цѣлью особенности дѣтскаго говора[1]), то и въ вопросѣ о заимствованіи особенностей говора одной деревни у другой, языкъ дѣтей долженъ имѣть первенствующее значеніе, а слѣдовательно долженъ имѣть особое значеніе и важнѣйшій источникъ особенностей дѣтскаго говора языкъ матерей, взятыхъ изъ мѣстностей, говорящихъ иначе, чѣмъ то селеніе, куда онѣ выданы.

Мною сдѣланы наблюденія надъ говоромъ двухъ дѣвочекъ изъ Старкова, у которыхъ мачеха Гжельская (Записанныя за ними пѣсни были приведены выше). Въ разговорѣ съ ними я постоянно замѣчалъ оканье при случаяхъ умѣреннаго и сильнаго аканья: *ста́рой, годо́ф, жона́ты, собиру́тца, худы́е, большіе́, кото́ры, рабо́тут, адно́, лѣ́тăм, ре́т'ка̄, свёкла̄, Ра́мен'скъ, пъсиди́т, пъдаё'т, прасту́дютцы, ничаво́, Рожаство́, срики́, виᵉжу́.*

Чѣмъ деревня ближе къ границѣ сосѣдней группы говоровъ,

---

1) Проф. Богородицкій, изслѣдованіе говора деревни Бѣлой, стр. 23: «и вообще я думаю, что *постепенное измѣненіе языка совершается среди говорящихъ этимъ языкомъ преимущественно въ пору пріобрѣтенія или усвоенія его, т. е. въ періодъ подрастанія новыхъ генерацій, непрерывно слѣдующихъ одна за другою*».

тѣмъ болѣе, конечно, въ сѐмьи этой деревни должно попадать снохъ съ особенностями говора этой группы. Я разспрашивалъ многихъ женщинъ деревни Старково, говоръ котораго мнѣ показался особенно смѣшнымъ, откуда онѣ взяты, и устышалъ, что почти одинаковое число взято изъ Гжели, Гвоздни и Раменскаго округа. Для меня составленъ былъ списокъ всѣхъ снохъ деревни Загорное и здѣсь я увидѣлъ подобное же разнообразіе. Въ другихъ деревняхъ я неоднократно встрѣчалъ снохъ изъ разныхъ мѣстъ, и крестьяне не указывали мнѣ, чтобы они по преимуществу брали невѣстокъ изъ одной какой-либо мѣстности.

В. Вліяніе на говоры Бронницкаго уѣзда языка общерусскаго и языка бывалыхъ крестьянъ (вульгарнаго) Бронницкаго округа.

При описаніи говоровъ Бронницкаго уѣзда мы неоднократно указывали на разницу въ говорѣ старухъ, стариковъ, людей среднихъ лѣтъ, молодыхъ и дѣтей. Если нѣкоторыя черты мѣстнаго говора мы находили иногда исключительно у старухъ, напримѣръ, цоканье, то въ говорѣ молодыхъ мы иногда въ обиліи находили особенности нашего говора, напр., гласные неполнаго образованія въ неударяемыхъ слогахъ. Такъ въ Гжели я слышалъ: «*сило*»; въ Цибинѣ—«залатыи^{9}» (при свойственныхъ говору этой деревни окончаніи *ия*, *ыя*); въ Ваниловѣ слышалъ «*дилофъ*», при болѣе обычномъ «*дялофъ*»; въ Знаменкѣ «и^{е}во», при «яво»; отъ крестьянъ Коняшина «блѣдн*ы*й» при «красив*о*й»; въ Раменскомъ округѣ нерѣдко «ничи*в*о» при «ничи*а*во» и такъ далѣе. Подобное разнообразіе въ произношеніи звуковъ, когда въ однихъ и тѣхъ же фонетическихъ условіяхъ то является звукъ, сходный съ нашимъ, то свойственный искони мѣстному говору, наблюдалось не только въ одной и той же деревнѣ, но даже иногда у однихъ и тѣхъ же лицъ.

Вліяніе нашего языка въ разныхъ деревняхъ Бронн. у. не одинаково. Такъ въ Раменскомъ это вліяніе очень сильно, и нужно очень долго наблюдать надъ говоромъ крестьянъ, чтобы отмѣтить очень немногія мѣстныя особенности. Здѣсь нетрудно встрѣтить крестьянина, говоръ котораго немного отличается отъ нашего. Наиболѣе сохраняетъ мѣстныхъ особенностей изъ говоровъ Раменской округи говоръ деревни Дементьева. Изъ тѣхъ деревень Гжельскаго округа, о которыхъ я имѣю свѣдѣнія, всего болѣе вліяніе нашего говора замѣтно въ селѣ Гжель и деревнѣ Рѣчицы, и лучше мѣстныя особенности сохраняются въ Ѳенинѣ и Григоровѣ. Въ восточной группѣ говоровъ особенно хорошо сохранились старыя особенности говора въ Ваниловѣ, затѣмъ въ Дворниковѣ, Знаменкѣ и мѣстахъ около Харлова; гораздо сильнѣе вліяніе нашего говора наблюдается въ Гвозднѣ. Однако даже и въ Ваниловѣ молодые люди по большей части не цокаютъ и аканье ихъ по характеру своему скорѣе напоминаетъ наше, чѣмъ аканье ихъ отцовъ и дѣдовъ.

Во всякомъ случаѣ сближеніе съ нашимъ говоромъ идетъ быстрыми шагами. Крестьяне стыдятся многихъ особенностей своего мѣстнаго говора, особенно цоканья, сильнаго аканья съ растяженіемъ неударяемыхъ слоговъ, нѣкоторыхъ словечекъ въ родѣ *щчо* и пр. Не смотря на то, что я хвалилъ всегда народную рѣчь, мнѣ высказывали только ея порицаніе. Одна деревня дразнитъ другую за черты говора, наиболѣе разнящіяся съ литературными: Гжельскихъ называютъ челдонами; особенно же достается Ваниловцамъ: «тамъ выворотни живутъ: всѣ слова выворачиваютъ», говорили мнѣ въ Гвозднѣ, «Тамъ не баютъ, по собацьи лаютъ, говорятъ такъ, что понять нельзя», говорили о Ваниловцахъ въ Гжели. Изъ Ванилова стѣснялись брать невѣстокъ. А не за долго передъ моимъ посѣщеніемъ въ одной избѣ въ Дворниковѣ, по разсказамъ крестьянъ, *свекро́ф' по́тпал пасажа́ла нивѣ́ску: «слы́шай, какъ гъворя́т, научисси, тahда́ вы́пущу»*! Въ Ваниловѣ мнѣ жаловались старики: «въ другой деревнѣ намъ молвить нельзя, передражнивутъ».—«И въ салдатахъ

та нашихъ дубили, дубили»! Дѣти и молодые смѣются надъ говоромъ стариковъ. Даже у раскольниковъ въ Харловѣ мнѣ начетчица жаловалась на подобное отношеніе новаго слабаго поколѣнія къ старинѣ, на неуваженіе къ старшимъ: «что скажешь не по нонешнему, ребята подымаютъ на смѣхъ». Въ Надеждинѣ я самъ наблюдалъ, какъ насмѣшливо повторялъ шестилѣтній балованный внучекъ за своей бабушкой: пець, цюгунцикъ и т. п. Духовенство и бывалые крестьяне смотрятъ на рѣзкія особенности народнаго говора съ презрѣніемъ: «ну выворáчивай, что еще ляпнешь», приходилось слышать неоднократно. Сами крестьяне относятся къ городскому говору съ подобострастіемъ: «ужъ онъ *чивó* сталъ говорить», слышалъ я похвалу жениху.

Не мудрено, что при такомъ положеніи дѣла нѣкоторыя особенности старыхъ народныхъ говоровъ исчезаютъ; такъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ (Старковѣ, Бисеровѣ) цоканье сохраняется только у старухъ; аканье съ сильнымъ растяженіемъ неударяемыхъ слоговъ въ Ваниловѣ сохраняется у немногихъ стариковъ и старухъ, шепелявость въ Цибинѣ—у немногихъ старухъ и т. д. Возникаетъ вопросъ, приведетъ ли это къ уничтоженію народныхъ говоровъ, или только въ ближайшемъ будущемъ къ нѣкоторому ихъ измѣненію, и въ послѣднемъ случаѣ, въ чемъ будетъ состоять это измѣненіе. Отвѣтъ на этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ другимъ, еще болѣе важнымъ для насъ вопросомъ: какимъ образомъ деревня знакомится съ особенностями обще-русскаго языка и какія особенности его она въ настоящее время можетъ воспринять?

Самымъ важнымъ общимъ для всего Бронницкаго уѣзда условіемъ вліянія нашего говора несомнѣнно служитъ близость уѣзда къ столицѣ и удобство сообщенія съ нею. Весьма интереънъ тотъ фактъ, что это вліяніе оказывается чуть не прямо пропорціональнымъ въ каждой деревнѣ числу крестьянъ, уходящихъ на заработки въ столицу. Такъ, въ Ваниловѣ и нѣкоторыхъ деревняхъ Пятницкаго Погоста и Гвоздни многія семьи безотлучно живутъ въ деревнѣ, такъ какъ ткутъ всю зиму у себя въ избѣ

(это является главнымъ заработкомъ крестьянъ), и въ этихъ деревняхъ я весьма часто слышалъ такія особенности мѣстнаго говора, которыя въ другихъ селеніяхъ почти исчезли.

Кромѣ близости Москвы для Раменскаго округа и сосѣднихъ мѣстъ громадное значеніе имѣетъ въ указанномъ отношеніи Раменская фабрика съ шеститысячнымъ населеніемъ на фабричномъ дворѣ, съ дачнымъ мѣстомъ вблизи фабрики въ с. Раменскомъ и съ прекрасною четырехклассною школою. Школы оказываютъ нѣкоторое вліяніе и въ другихъ деревняхъ: «Теперь школа обламываетъ, а прежде ужъ очень выворачивали», говорили мнѣ въ с. Гжель крестьяне о своемъ говорѣ.

Однако это вліяніе литературнаго языка на говоры Бронницкаго уѣзда, по большей части, не непосредственное. Крестьяне рѣдко слышатъ рѣчь образованныхъ русскихъ людей: въ школѣ учитель переучиваетъ до извѣстной степени дѣтей. Взрослые крестьяне въ сёлахъ бесѣдуютъ иногда съ духовенствомъ, съ фабричнымъ начальствомъ (гдѣ есть фабрики) и т. п. Но всѣ эти вліянія по большей части ничтожны. Даже школа, гдѣ дѣти проводятъ 2 — 3 зимы по нѣскольку часовъ въ день, сама по себѣ много сдѣлать не могла бы; выходя изъ школы въ раннемъ возрастѣ дѣти легко бы забывали многое изъ пріобрѣтеннаго въ этомъ отношеніи и заговорили бы скоро близко къ деревенскому. И дѣйствительно разбираемое вліяніе можетъ итти и помимо школы: въ нѣкоторыхъ деревняхъ школа выпускала немного дѣтей (Загорное, Старково) и дѣйствуетъ еще недавно (напр., въ Ѳенинѣ церковно-приходская школа открыта лишь въ 1899 г., въ Загорковѣ въ 1896, въ Бисеровѣ школа грамоты въ 1893) и т. т., тѣмъ не менѣе вліяніе нашего языка и на неграмотныхъ очень сильно. Въ Ѳенинѣ и Старковѣ цоканья нѣтъ у молодыхъ, какъ грамотныхъ такъ и неграмотныхъ; нѣтъ его по большей части и у людей среднихъ лѣтъ во многихъ деревняхъ Гжельскаго округа, хотя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ деревень лѣтъ 20 назадъ дѣти почти вовсе не посѣщали школъ. Впрочемъ въ селѣ Раменскомъ и нѣкоторыхъ ближайшихъ къ нему селеніяхъ влія-

ніе школы весьма значительно, хотя и ограничено небольшимъ райономъ.

Но если крестьянамъ мало приходится знакомиться непосредственно съ нашимъ языкомъ, то они слышатъ говоръ до извѣстной степени приближающійся къ нашему. Это—говоръ людей бывалыхъ изъ ихъ же среды. Эти люди — подвижны: одни изъ нихъ живутъ на фабрикахъ, другіе идутъ на заработки въ Москву, третьи объѣзжаютъ окрестности, какъ торговцы. Они имѣютъ другъ съ другомъ, по большей части въ Москвѣ, гораздо больше общенія, чѣмъ тѣ изъ крестьянъ, которые почти безвыѣздно живутъ въ деревнѣ, и особенности рѣчи такихъ бывалыхъ людей, даже происходящихъ изъ мѣстъ, сравнительно удаленныхъ другъ отъ друга, нерѣдко почти одинаковы, между тѣмъ какъ говоръ старухъ-домосѣдокъ одной деревни во многомъ иногда отличается отъ говора другой, сосѣдней. Въ деревнѣ на такихъ бывалыхъ людей смотрятъ какъ на представителей моды и хорошаго тона. Имъ подражаютъ во всемъ, и ихъ рѣчь служитъ идеаломъ произношенія.

Этотъ говоръ крестьянской интеллингенціи въ описываемыхъ мѣстахъ я назову вульгарнымъ языкомъ Бронницкаго уѣзда. Вотъ важнѣйшія его особенности.

1. Обиліе гласныхъ неполнаго образованія, отсутствіе оканья «сильнаго аканья» и вообще произношеніе неударяемыхъ гласныхъ, сходное съ нашимъ (исключая довольно явственнаго *а* вм. *и*^{е} въ слогѣ передъ удареніемъ послѣ шипящей: нич*а*во, Рож*а*ство́, Клишава).

2. Отсутствіе цоканья, растяженія гласныхъ, шепелявости, замѣны *ѣ* черезъ *и* и *я* черезъ *е*, мягкости согласныхъ передъ суффиксомъ *ьск*, мягкаго *к*; произношеніе вин. п. ед. ч. ж. р. *её*, не *ее*; относ.-вопросит. мѣст. *што* (не *щчо*), возвратн. зал. какъ у насъ на *са*, *ца*.

3. Стяженіе гласныхъ: тваво, Дергаво^{а}, работу (1 л. ед. ч.).

4. *К* вмѣсто *т* передъ *и* (китрать, скисненіе).

5. Произношенія: ферувим, арихметика, Евденья, Успленья, сумлѣват'ся, шешнадцат', гля, чижóлый, фитанція, земчуг, ето (вм. это).

6. Формы: у сестрѣ, у женѣ, на барским дварѣ, въ етим мѣсти[е], мѣстоф, дѣлоф.

Итакъ мы видимъ въ вульгарномъ языкѣ Бронницкаго округа основныя особенности нашего литературнаго языка, соединенныя съ нѣкоторыми наименѣе рѣзкими чертами мѣстныхъ говоровъ. Цоканье, сильное аканье—особенности, встрѣчающіяся въ каждой фразѣ или въ каждомъ словѣ, здѣсь исчезли. Наоборотъ, сохранились особенности фонетическія и морфологическія, или встрѣчающіяся лишь въ нѣсколькихъ словахъ (Успленье, сумлѣваться, скисненіе, кіятръ), или хотя и не рѣдкія, но имѣющія себѣ извѣстнаго рода параллели въ литературномъ языкѣ (форма «у женѣ» имѣетъ параллель въ формѣ «къ женѣ»)[1]).

Само собою понятно, что Бронницкій[2]) вульгарный языкъ въ извѣстномъ классѣ бывалыхъ людей не есть величина постоянная. Смотря по тому, насколько воспріимчивъ крестьянинъ къ усвоенію нашего говора и какъ часто приходилось ему бывать и жить въ городѣ или на большой фабрикѣ, въ языкѣ его то не найдемъ и перечисленныхъ выше отличій отъ обще-русскаго языка, то примѣшиваются къ нимъ еще нѣкоторыя мѣстныя особенности, въ родѣ *у* вмѣсто *о* (*у*топри, *су*поги).

Равнымъ образомъ мы должны предполагать, что этотъ вульгарный языкъ измѣняется съ теченіемъ времени, что лѣтъ двадцать тому назадъ онъ могъ, напримѣръ, содержать въ себѣ больше мѣстныхъ особенностей: такъ *у* вмѣсто *о* въ тв. ед. ж. р. (э́т*у*й, па́лк*у*й) настолько послѣдовательно проходитъ во всѣхъ говорахъ Бронницкаго уѣзда, что, можетъ быть, это слѣдуетъ

1) Замѣтимъ, что эти падежи въ слогахъ неударяемыхъ нерѣдко путаютъ и образованные люди: говорятъ «у мамѣ[ы]» вмѣсто «у мамы».

2) См. ниже.

объяснить особенностью говора вульгарнаго, хотя въ настоящее время далеко не всѣ бывалые люди имѣютъ эту особенность. Кромѣ того измѣненія въ вульгарномъ языкѣ могутъ создаваться иногда лицами, говорящими на немъ, особенно возможны такія новообразованія въ словарѣ, напр. къ подобнымъ словамъ я отношу *почáйпить* о чемъ см. ниже.

Вліяніемъ вульгарнаго языка можно объяснить нѣкоторыя непонятныя на первый взглядъ звуковыя явленія. Въ Аѳанасовѣ, Шабановѣ и Стёпановѣ (деревняхъ, окруженныхъ окающими поселеніями) указано новое аканье. Наблюдателю сообщили, что теперь стали тамъ говорить «помоднѣя», «по Московски», «стали дразнить тѣхъ, кто говоритъ по нашему»[1]), а между тѣмъ, въ качествѣ примѣровъ этого новаго аканья въ Аѳанасовѣ отмѣчено: «*жанат*ый», «чяво», — особенности сильно-акающихъ говоровъ, а не литературно-московскаго. Если мы припомнимъ, что эта особенность принадлежитъ вульгарному Бронницкому языку, то намъ понятно станетъ отнесеніе ея къ вѣяніямъ новой моды.

Благодаря вульгарному языку и подвижности лицъ, говорящихъ на немъ, образовавшіяся въ средѣ этихъ лицъ слова быстро переходятъ въ деревню и распространяются на громадной территоріи. Изъ такихъ словъ отмѣчу: *почайпить* («я ужъ почайпилъ»). Слово это неизвѣстно было въ окрестностяхъ Раменскаго лѣтъ 20 тому назадъ даже на фабрикѣ. Возникшее, можетъ быть, въ Московскихъ трактирахъ въ средѣ лицъ, говорящихъ на вульгарномъ языкѣ, оно быстро разнеслось по деревнямъ, и я его слышалъ во всѣхъ мѣстахъ Бронницкаго уѣзда и узналъ о существованіи его въ Богородскомъ уѣздѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ Егорьевскаго уѣзда, а также въ селеніяхъ Васькинѣ и Щеглятьевѣ Серпуховскаго уѣзда. Можетъ быть къ такимъ словамъ относится широко распространенное слово «котъ» въ значеніи бродяга, праздношатающійся, и «котовать» — вести жизнь бродяги.

---

1) В. И. Чернышевъ, тамъ же, стр. 7.

Въ такой мѣстности, какъ Бронницкій уѣздъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ тремя различными группами говоровъ, которые, какъ мы видѣли, смѣшиваются другъ съ другомъ на большомъ пространствѣ, вліяніе вульгарнаго языка особенно важно и интересно. При смѣшеніи окающихъ-цокающихъ поселеній съ сильноакающими въ старину, когда не было въ такой мѣрѣ этого вліянія, иногда получались говоры сильно акающіе - цокающіе. Къ такого рода говорамъ относится восточная Бронницкая группа и тѣсно связанныя съ нею говоры Егорьевскаго, Касимовскаго уѣздовъ, а также говоры Псковской губерніи, Псковскаго уѣзда, гдѣ на ряду съ сильнымъ аканьемъ и цоканьемъ отмѣчено, впрочемъ и оканье [1]). Въ настоящее время въ Бронницкомъ у. подобнаго рода смѣшеніе невозможно: если изъ цокающей Гжели попадетъ невѣстка въ акающее Дементьево, то цоканье и оканье у ея дѣтей удержится недолго, такъ какъ эти особенности слишкомъ расходятся съ вульгарнымъ языкомъ, который считается идеаломъ произношенія. И такимъ образомъ встрѣча въ одной деревнѣ разныхъ типовъ говоровъ при существованіи вульгарнаго языка ведетъ не къ смѣшенію рѣзкихъ особенностей этихъ говоровъ, а наоборотъ, къ сглаживанію этихъ особенностей.

Разсмотрѣніе особенностей Бронницкихъ говоровъ приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. При изслѣдованіи народныхъ говоровъ, въ особенности въ мѣстахъ столкновенія двухъ или нѣсколькихъ діалектическихъ группъ, необходимо имѣть въ виду ихъ географическое положеніе и уяснить себѣ прежде всего отношеніе каждой группы къ сосѣднимъ съ ней говорамъ.

2. Говоры Бронницкаго уѣзда мы въ правѣ раздѣлить на 3 діалектическія группы: 1) окающую-цокающую, 2) акающую-цокающую и 3) акающую-нецокающую. Существованіе въ Брон-

1) Соболевскій, Опытъ русской діалектологіи, стр. 29.

ницкомъ уѣздѣ первыхъ двухъ группъ и діалектическое отношеніе ихъ къ говорамъ сосѣднимъ свидѣтельствуетъ о колонизаціонномъ движеніи, можетъ быть, очень старомъ, въ Бронницкій уѣздъ: 1) по рѣкамъ Окѣ и Клязьмѣ сѣверно-великорусскаго племени, 2) изъ уѣздовъ Касимовскаго и Егорьевскаго съ востока акающихъ-цокающихъ поселеній и 3) можетъ быть, съ юго-запада поселеній, родственныхъ по происхожденію съ подмосковными сѣверо-рязанскими, сѣверо-тульскими и пр.

3. Первоначально три группы говоровъ Бронницкаго уѣзда имѣли болѣе отличій другъ отъ друга, чѣмъ въ настоящее время. Долголѣтняя жизнь ихъ вмѣстѣ и положеніе вблизи столицы въ фабричномъ районѣ сгладило нѣкоторыя изъ этихъ отличій и приблизило до извѣстной степени эти говоры къ обще-русскому языку, а также породило въ нихъ разнообразіе звуковъ въ однихъ и тѣхъ же фонетическихъ сочетаніяхъ.

4. Вліяніе однихъ говоровъ на другіе главнымъ образомъ обязано бракамъ крестьянъ съ дѣвушками изъ селеній принадлежащихъ къ другимъ діалектическимъ группамъ.

5. Вліяніе языка обще-русскаго въ Бронницкомъ у. не непосредственное. Крестьяне приближаютъ свой говоръ къ языку людей бывалыхъ, который я называю вульгарнымъ языкомъ Бронницкаго округа. Изученіе подобнаго вульгарнаго языка, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, особенно вблизи столицъ, можетъ помочь уясненію нѣкоторыхъ фактовъ русской діалектологіи.

Николай Каринскій.

188

Объясненія къ картѣ.

Линіи—означаютъ дороги.

Двойныя линіи—желѣзныя дороги.

Прерывистыя—границы уѣздовъ.

Извилистыя—рѣки.

Буквы *а, А, а⁰, О, Ц, Ш, К и Ь* суть условные знаки діалектическихъ особенностей говора, причемъ:

а—означаетъ аканье съ примѣсью яканья и обиліемъ звуковъ неполнаго образованія;

А—аканье съ болѣе или менѣе отчетливымъ произношеніемъ неударяемыхъ слоговъ;

О—оканье

а⁰—переходъ отъ аканья къ оканью (съ обиліемъ гласныхъ неполнаго образованія).

Ц—мѣну *ц* и *ч*.

Ш—шепелявость въ произношеніи нѣкоторыхъ звуковъ.

К—мягкое *к* въ случаяхъ въ родѣ: *Ванькя, чайкю*.

Ь—*ть* въ третьемъ лицѣ глаголовъ.

? означаетъ, что данныя особенности требуютъ повѣрки.

При составленіи діалектической карты авторъ руководился по преимуществу говоромъ старухъ или говоромъ наиболѣе консервативныхъ семей.

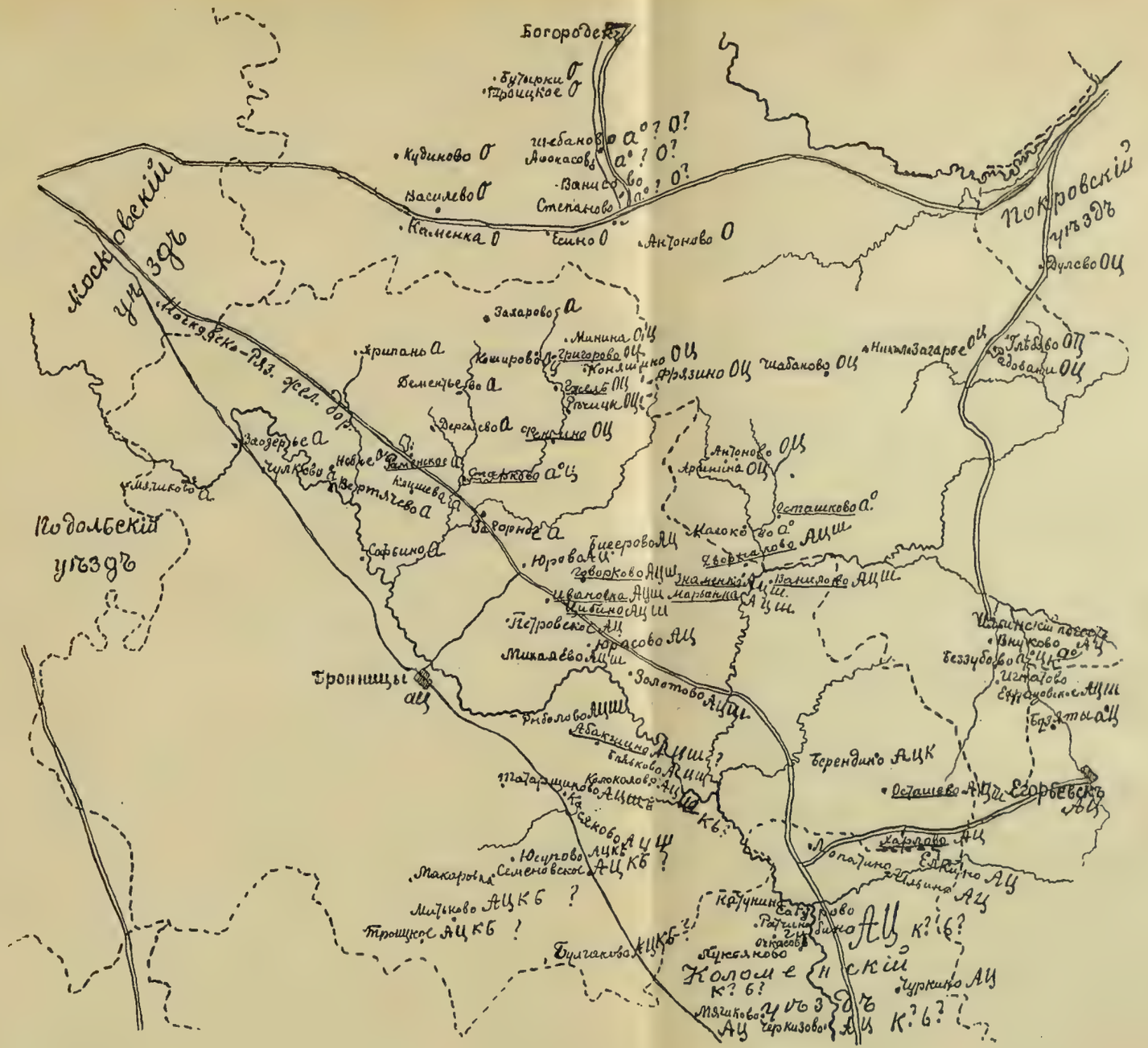
На картѣ отмѣчены только тѣ діалектическія особенности, которыми рѣзко отличаются одни говоры разбираемой территоріи отъ другихъ; общее всѣмъ Бронницкимъ говорамъ (хотя бы и не въ одинаковой степени) не обозначается.

Селенія, которыя посѣтилъ авторъ, подчернуты на картѣ.

Поправки къ картѣ.

Названіе села Косяково на картѣ слѣдуетъ подчеркнуть, такъ какъ наблюдатель его посѣтилъ.

Послѣ АЦШ при селѣ Рыболовѣ слѣдуетъ поставить знакъ вопроса.


Богородск
Бучурки О
Троицкое О
Кубиково О
Васильево О
Каменка О
Ишбаево О
Ашокасово
Ванцево
Степаново
Ично О
Акчонево О
Покровский уѣздъ
Дулево ОЦ
Московский уѣздъ
Ногинск-Яз. жел. дор.
Захарово А
Минина ОЦ
Григорова ОЦ
Конлишино ОЦ
Фрязино ОЦ
Чабаково ОЦ
Нижн. Загарье ОЦ
Гуляево ОЦ
Радовани ОЦ
Хрипань А
Каширов ОЦ
Беменьево А
Ельцы ОЦ
Ельцик ОЦ
Дергаево А
Семкино ОЦ
Заозерье А
Новое
Каменское
Старково А Ц
Клушево А
Вертлячево А
Ямликово А
Подольский уѣздъ
Андоново ОЦ
Аршинина ОЦ
Осташково А
Калоково А
Сафьино А
Бигеров Ц
Юрово А Ц
Говорково АЦШ
Иваново АЦШ
Чибино АЦШ
Петровское АЦ
Красово АЦШ
Никаево АЦШ
Троицы АЦ
Золотово АЦШ
Рыболово АЦШ
Абакшино АЦШ?
Балыково АЦШ
Каколово АЦШ
Ка... АЦШ
Семково АЦШ
Макарьи
Семеновское
Митьково АЦКБ ?
Троицкое АЦКБ ?
Бычаково АЦКБ ?
Дворкино АЦШ
Каменки АЦШ
Васильево АЦШ
Марьинка АЦШ
Ивановский посад
Вишково А Ц
Беззубово ОЦ
Игнатово
Ефимовское АЦШ
Брюхаты АЦ
Терендино АЦК
Осташево АЦШ
Егорьевск
Карлово АЦ
Лопатино
Ельцино АЦ
Ильина АЦ
Колюшино
Ратьково
Кукляково
Коломенский уѣздъ
Чуркино АЦ
Мячково АЦ
Черкизово
АЦ К? Б?

3p-